

Михаил Роттер

Цигун

ПОКОЙ
В ДВИЖЕНИИ
И ДВИЖЕНИЕ
В ПОКОЕ

4 • Несказочная сказка

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер
Цигун: покой в движении
и движение в покое. Том
4: Несказочная сказка
Серия «Восток: здоровье,
воинское искусство, Путь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63931811

*Ци-Гун: покой в движении и движение в покое. В 3 томах. Том 4:
Несказочная сказка / Михаил Роттер: Ганга; Москва; 2020
ISBN 978-5-907243-54-5*

Аннотация

Четвертый (хотя, как может быть в трехтомнике четыре тома?!), «сказочно дополнительный», том появился как-то сам собой, когда выяснилось, что некоторые вещи намного легче передаются, если самое главное «спрятано в «сказочную обертку».

В результате вместо «трех»-томника получился «икс»-томник, количество томов в котором то ли три, то ли четыре, то ли три плюс один. Впрочем, это вполне в духе Ци-Гун, где три это не обязательно три.

В этом «сказочном» томе демонстрируется, как складывается некий «цигунский конструктор-Лего», скомпонованный по принципу: просто, коротко, приятно и максимально эффективно.

Построено это в виде повествования о том, как Философ, Лекарь и Наставник по заказу (и не кого попало, а императора) «собирают» такой Ци-Гун. Хотя Наставник и будет ворчать, что такая мешанина подходит, скорее, для всякого сброда... Правда, по зрелом размышлении, он сменит свое мнение и, скрепя сердце, согласится, что полученная «конструкция» представляет собой суть простейших методов Ци-Гун и потому прекрасно работает.

Несмотря на то, что текст «сказочный», в нем даются ссылки на абсолютно реальные практики, описанные во втором и третьем томах. В результате становится понятно, из чего собран этот Ци-Гун и что никакая его часть не была выдумана или взята «из воздуха». Иначе говоря, в этот «сказочном» «Ци-Гун», на самом деле, ничего сказочного нет.

Для всех интересующихся самосовершенствованием и улучшением здоровья, а также древней духовной культурой Китая, точнее, даже не Китая, а Востока.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к четвертому тому	7
Императорский философ	12
Что делать с умом?	12
Во дворец (или кто будет учить принца?)	36
Философия и принципы толкающих рук	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Михаил Роттер
Ци-Гун: покой в движении
и движение в покое.
В 3 томах. Том 4:
Несказочная сказка

*Моей семье
со всей любовью посвящается*

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

© Михаил Роттер, текст, 2020

© ООО ИД «Ганга», 2020

Предисловие к четвертому тому

Вы хотите научиться плавать. Для этого вы изучаете различные руководства, читаете учебники по плаванию, слушаете об этом лекции, таким образом вы познаёте азы и начинаете понимать различные техники плавания. Но приведут ли все эти усилия к тому, что вы станете настоящим пловцом? Может ли интеллектуальное знание стилей плавания действительно позволить вам поплыть? Ответ однозначный: конечно же, нет. Чтобы научиться плавать, вы должны зайти в воду и начать двигать руками и ногами. Различные указания и знание методов могут помочь и облегчить ваше обучение, но лишь при условии, что вы неустанно упражняетесь и практикуете то, что узнали в теории.

Чандра Свами Удасин,

Хочешь получить пользу от занятий Ци-Гун – перестань читать книжки, перестань говорить и сделай хоть что-нибудь.

Наша трактовка

В предисловии к этому трехтомнику было ясно сказано: «Все „упаковано“ максимально компактно, без всяких „скажоч“». Именно так и было сделано... В предыдущих трех томах.

Четвертый (хотя, как может быть в трехтомнике четыре

тома?!), «сказочно-дополнительный», том появился как-то сам собой, когда выяснилось, что некоторые вещи намного легче передать, если «спрятать» самое главное в «сказочную обертку». Как сказано в старинном азиатском наставлении о правильном питании: «мясо прячь в овощах». Хотя здесь речь идет не столько о правильном питании, сколько о том, что самое важное не следует выставлять напоказ. Ввиду того, что изложение в этом томе не такое «явное» (не сразу видно, где «сказка переходит в быль»), как в первых трех, читать его придется достаточно внимательно, ибо не всегда сразу понятно, где «закончились овощи и началось мясо».

Впрочем, это совершенно нормально и вполне в русле традиции. Например, этот же смысл «зашифрован» в названии самурайского кодекса «Сокрытое в листве», где главные «плоды» (мысли и наставления) этого трактата сокрыты под «листьями» (словами и рассуждениями).

В результате вместо «трех»-томника получился «икс»-томник, количество томов в котором то ли три, то ли четыре, то ли три плюс один. Впрочем, это вполне в духе Ци-Гун, где три это не обязательно три.

Так что правило (которое кажется автору одним из важнейших в Ци-Гун) «кажется есть, кажется нет», в данном случае может звучать так: «кажется три, а кажется четыре». Тем более, что в данном случае четвертый том – это сказка, а сама по себе сказка (которая как бы есть) – это повество-

вание о том, чего как бы нет, не было и быть не могло.

На самом деле «фокус», когда самое важное представляется как «нулевое» или «никакое», – это обычное для Ци-Гун дело. Например, в третьем томе описан комплекс «24 формы наматывания шелковой нити для всего тела», в котором есть «нулевая» форма. Так что в этом комплексе на самом деле не 24, а 25 форм. Кстати, «лишняя», даже «не имеющая номера», форма повторяется больше, чем все остальные формы, имеющие, так сказать, «официальную» нумерацию.

С одной стороны, в Ци-Гун ничего нового придумывать не нужно, ибо там все давным-давно придумано, разработано до мельчайших деталей и проверено веками практики. С другой стороны, там всего так много, что иногда полезно просто собрать «детали», несомненно, дополняющие друг друга и встраивающиеся одна в одну. Причем встраивающиеся не линейный образом, а по принципу матрешки, когда во время выполнения одной практики «внутри неё» автоматически выполняется другая. Или две и даже три других.

В результате получается «волшебно-синергическая» матрешка, в которой два плюс два – это никак не четыре, а, как минимум, пять. Или больше... Кстати, тоже в духе Ци-Гун: кажется четыре, кажется больше.

В этом «сказочном» томе демонстрируется, как складывается некий «цигунский конструктор-Лего», скомпонован-

ный по принципу: просто, коротко, приятно и максимально эффективно.

Построено это в виде повествования о том, как Философ, Лекарь и Наставник по заказу (и не кого попало, а императора) «собирают» такой Ци-Гун. Хотя Наставник и будет ворчать, что такая мешанина подходит, скорее, для всякого сброда... Правда, по зрелому размышлению, он сменит свое мнение и, укрепя сердце, согласится, что полученная «конструкция» представляет собой суть простейших методов Ци-Гун и потому прекрасно работает.

Повествование состоит из нескольких сказок, которые очень плотно переплетены между собой и имеют общий контекст. При этом первая сказка, «Императорский философ», больше относится к первому, так сказать, «философскому» тому, вторая, «Лекарь из провинции», – ко второму, «лечебно-оздоровительному», а третья, «Наставник в отставке», – к третьему, где описывается воинское применение.

Несмотря на то, что текст «сказочный», в нем даются ссылки на абсолютно реальные практики, описанные во втором и третьем томах. В результате становится понятно, из чего собран этот Ци-Гун и что никакая его часть не была выдумана или взята «из воздуха». Иначе говоря, в этот «сказочном» «Ци-Гун» на самом деле ничего сказочного нет.

Одно дело – действовать ради счастья, и совершенно иное – действовать из счастья. Первое подразумевает боль от борьбы за него, тогда как последнее

исполнено аромата божественной игры; одно действие вызывает терзания несовершенства, тогда как другое олицетворяет радостную деятельность полноты.

Чандра Свами Удасин

Если занятия Ци-Гун происходят из чувства радости, то пользы и удовольствия от таких занятий несравненно больше, чем от занятий «ради чего-то» (здоровья, долголетия и тому подобных вещей).

Наша трактовка

Императорский философ

Часто, когда все уже ложились спать, мы с Си говорили до глубокой ночи. Мы говорили обо всех философиях и жизненных «почему». Обычно мы обсуждали две основные философские школы: идеализм и материализм. Мы отвергали агностицизм и невозможность достижения цели. Тогда я думал, что философия – это величайшее средство для понимания. Сейчас я рассматриваю философию, как всего лишь словесное хождение по кругу, не ведущее к пониманию жизни.

Лестер Левенсон

Что делать с умом?

Есть небольшая разница между эго и умом. Для человека было бы большим несчастьем быть без ума или без эго. Это означало бы спуститься по лестнице эволюции. Природе потребовались миллионы и миллионы лет, чтобы развить ум из материи и создать человека. И человек – лишь переходное существо. Человеку надо сначала перейти от эгоистичного ума к рафинированному и чистому уму и лишь затем превзойти его. Легко говорить об отказе от всякого личного интереса, но на практике обычному человеку этого практически невозможно достичь. Прежде чем

полностью превзойти все это, личный интерес должен измениться, трансформироваться в более высокое и благородное дело, стать направленным на более высокие цели. Самая трудная задача и достижение для личности – стать не-личностью. Вам намного проще стать царем или президентом, нежели не-личностью. Вы не можете в одночасье отбросить свое эго. Даже само желание отказаться от эго – дело рук самого эго. Как вам отбросить его? Эго умолкает само собой, когда оно очищено, трансформировано, центрировано в Божественном. Нет другого прямого пути к тому, чтобы стать безэгоистичным. Есть определенные шаги или вещи, с помощью которых можно очистить и ослабить эго, такие как бескорыстное служение, совершаемое с любовью, размышления, молитва, медитация, внимательное отношение к тому, что говорят просветленные и вдохновляемые свыше мудрецы, общение с ними и так далее.

Чандра Свами Удасин

Когда я ушел с императорской службы, мне было 47 лет, я был полон сил, мой ум бурлил и искал, чем бы занять себя. Самым лучшим развлечением, которое я сумел выдумать для него (а, может, правильнее будет сказать, он сам выдумал для себя), оказались путешествия. Это было хорошо, ведь путешествия не только развлекают ум, они еще и обогащают его полезными и поучительными знаниями, ибо часто бывает так, что поведение, принятое в одной провинции, оказы-

вається совершенно неправильным в другой. Такая «жизнь на земле» полезна для любого человека, а для такого «книжника», как я, втройне. Никакой «зауми», никакой болтовни «ни о чем», простые, понятные вещи. Так что за те тринадцать лет, что я провел в странствиях, я получил больше практических знаний о жизни, чем за три десятка лет, полностью посвященных мною изучению философии. А, общаясь с людьми, я привык принимать все народы и их обычаи такими, какие они есть. Если учесть, что изучать местный колорит я предпочитал, «общаясь» с местными женщинами, то как-то само собой получилось, что во время своих странствий я и отдыхал, и развлекался, и учился. Просто три каких-то волшебных эликсира, смешанных в одном сосуде.

Оказавшись «сам по себе» во время своих странствий, я понял весьма важную вещь. Всю свою жизнь, с самых ранних лет я жил не ради себя, не для собственного удовольствия, а для того, чтобы получать одобрение других. Сначала я старался заслужить одобрение отца, который вкладывал все силы в то, чтобы я стал настоящим философом, я очень его уважал и старался изо всех сил не разочаровать. Став старше, я делал все, что мог для того, чтобы заслужить одобрение окружающих и показать им, насколько я умен и блестяще образован. А уж когда я попал во дворец... Там я вообще должен был следить не только за каждым своим словом, но даже за интонацией, с которой это слово произносится.

Это, конечно, дало мне был весьма поучительный опыт,

ибо я привык постоянно контролировать все, что говорю и делаю. Но за это я платил свою цену: мне часто, я бы даже сказал, практически постоянно, приходилось подавлять свои чувства. А это очень плохо, ведь за некоторыми чувствами (например, гневом) стоит огромная энергия и, подавляя их, я подавлял и эту энергию и даже (что еще хуже) направлял ее не вовне, а внутрь себя.

Насколько я понимаю, я не стал чрезмерно нервным и больным лишь благодаря занятиям боевым искусством, позволявшим мне «сбрасывать пар». Однако такая излишняя «сдержанность» не добавила спокойствия моему уму.

Сейчас я понимал это так. Всю предыдущую, «допутешественную», жизнь я учился, не вставая из-за стола и не выходя из дома. Если брать чуть шире, то в «замкнутом пространстве», ибо дворец, несмотря на свою огромность, – это очень тесное и чрезвычайно душное место. Это прекрасная школа, но недостаточная. Поэтому я перешел к «обучению в движении», состоявшему из ежедневных встреч и связанных с ними новых отношений. Такой подход позволял мне учиться непрерывно. Все свои путешествия я рассматривал не как испытание, не как проверку, а всего лишь как учебу, средство для понимания и улучшения себя. Кроме того, оказалось, что в пути мне гораздо спокойнее, чем на одном месте. Никаких длительных отношений, никаких обязательств. А перед человеком, с которым ты завтра расстанешься, можно не выделываться, уж ему-то можно без всякого стеснения

сказать все, что найдешь нужным.

Прежде я часто ловил себя на мысли, что люблю иметь больше вещей, чем мне нужно, так сказать, мне присуща некая любовь к накопительству и нежелание делиться. Как она во мне возникла, я не понимал, ибо я точно не был жадным. Кроме того я вырос в весьма состоятельной семье и никогда не знал нужды. Так что откуда у меня взялась эта черта, я не понимал. Может, в прошлой жизни я был бедняком и привычка к бедности и нужде перешла со мной в эту жизнь. Не знаю, как это было, но я прекрасно понимал, что в основе желания накапливать и сохранять лежит моя неуверенность в завтрашнем дне. Странствия почти излечили эту склонность. Каждый день я убеждался, что Небо позволяет выживать даже самым мелким животным. Если Небо заботится о них, то почему бы Ему не позаботиться и обо мне? Так что достаточно скоро я привык к тому, что есть множество вещей, без которых я прекрасно могу обойтись, и практически утратил склонность к накоплению, которая мне так не нравилась.

Вернувшись с императорской службы, я пробыл дома всего лишь три месяца. По поводу моего желания отправиться в путь отец сказал так:

– Ничего не поделаешь. Это принцип Инь-Ян, который в данном случае формулируется следующим образом: человек ищет счастья. Но в этот поиск его отправляет несчастье.

– Но какое отношение это имеет ко мне? – удивился я. – Ведь меня точно никак нельзя назвать несчастным.

– Отсутствие полного счастья – это уже в некотором роде несчастье, – ответил отец. – А полностью счастливых людей в принципе не бывает и быть не может, ибо у каждого человека всегда что-то не так. Но даже если предположить, что такой человек найдется, ну хотя бы один на всю землю, то он будет озабочен тем, как сохранить свое счастье. Ведь любой невежда понимает, что никакое счастье не может длиться вечно. Рано или поздно случается что-то, что разрушает его. Это может быть война, ураган, наводнение, внезапно наступившая бедность. Но даже если этого и не происходит, то болезней, утраты близких и старости не избежать никому. Как я понимаю, счастья ты пока не нашел и надеешься обрести его в путешествиях. Это не кажется мне правильным, ибо путешественники ничуть не более счастливые люди, чем домоседы. Они завидуют домоседам не меньше, чем те завидуют путешественникам. И это наводит на мысль, что счастье не где-то снаружи, иначе путешественники уже давно нашли бы эту чудесную землю. Скорее, я бы предположил, что оно где-то внутри тебя, ведь есть же предания о людях, обретших непоколебимое, устойчивое счастье, прожив длительное время на одном месте: в горах, в лесах, да мало ли еще где.

Хотя я тебя прекрасно понимаю, похоже, это у нас семейное. Примерно в твоем возрасте (а, может, я был чуть моло-

же, точно не помню) меня тоже потянуло в дорогу. Вначале это показалось мне очень правильным поступком, потому что мой ум сразу же успокоился. У меня сразу же стало меньше мыслей и постоянное «кипение и бульканье» в голове явно поутихло. Целый день я был в движении, смотрел по сторонам, встречался и говорил с разными людьми. В общем, я был переполнен впечатлениями и так уставал, что к вечеру валился с ног, засыпал где придется и без всяких сновидений. И все было чудесно до тех пор, пока я не привык и не приспособился (а это произошло достаточно быстро) к новому образу жизни. И однажды утром я вдруг понял простейшую вещь: ничто никуда не девалось, просто в те дни ум был постоянно направлен вовне и ему было, как бы сказать, не до него самого. А потом он привык, внешние впечатления уже не так отвлекали его, не так «вытягивали наружу» и он «вспомнил» про себя, точнее, про свои собственные мысли, которых, как оказалось, отнюдь не стало меньше. И когда ум обратился внутрь, там оказалось то же самое «кипение и бульканье». Может, даже его стало больше, ибо количество «непереваренных» впечатлений в те дни было просто огромным.

Ум – это прекрасная штука, без которой человек ничем не отличался бы от обезьяны, разве что он был бы самой неловкой из всех обезьян. Ум – это замечательный инструмент, позволяющий видеть все с разных сторон. Только им нужно уметь правильно пользоваться и не давать заморочить себе

голову чужими словами, концепциями, идеями, обычаями и традициями.

В дни молодости мне повстречался белый человек с Запада, который рассказал мне историю о некоем Атланте, держащем на себе небо. Он даже показал мне книжку с рисунком, на котором был изображен здоровенный мужчина, держащий что-то (белый человек говорил, что это небо) на могучих плечах. При этом он всячески превозносил силу и стойкость этого самого Атланта. До этого момента у меня язык не поворачивался назвать белого человека длинноносым варваром. Ну, может, у него нос и длинноват, но для варвара он казался мне слишком образованным. Но когда я понял, как он воспринимает этого персонажа, я понял, что варвар он варвар и есть. Сказка про Атланта это нормально (у нас тоже полно подобных сказок), но ты сам решаешь, что тебе видеть в этой сказке.

Мне, например, показалось, что Атлант – это никакой не герой, о котором это варвар говорил с придыханием. Это несчастный голый человек, который не имеет возможности нормально поесть из-за того, что у него заняты руки, которыми он поддерживает небо. Да что там поесть, он не может даже отойти, чтобы по-человечески справить нужду, ведь стоит ему сделать шаг в сторону, как небо тут же обрушится.

После этой истории я понял, что варвар отличается от «неварвара» не цветом кожи и не «длинноносостью», а тем, что не умеет пользоваться своим умом.

Для того, кто умеет им пользоваться, ум – это полезнейшая вещь, благодаря которой человек стал человеком и обрел власть над всеми остальными животными. Ум – это лучший помощник человека, но случается так, что помощник становится настолько силен, что непонятно, кто кем командует: человек своим мыслями или мысли человеком.

Мысль мне представляется подобной большому воздушному шару, привязанному к веревке, которую ты держишь в руке. Шар этот совершенно тебе неподвластен. Пока погода безветренна, шар тебе совершенно не помеха, он спокойно висит в воздухе и никак тебя не беспокоит. Он настолько безобиден, что ты забываешь о нем. Но стоит подуть сильному порывистому ветру, как этот шар приходит в движение, он тащит тебя, куда захочет, он треплет тебя, как осенний ветер треплет последние оставшиеся листья. И ты тут же теряешь физическое и душевное равновесие и свободу: куда этот шар (твоя собственная мысль) тебя потянет, туда ты и пойдешь. Даже если не хочешь.

Получается, что даже если какая-то мысль в определенный момент незаметна, она все равно таит в себе потенциальную опасность, ибо в любое мгновение может прийти в движение и принести тебе беспокойство. И заметь: мыслей у тебя множество, так что шаров на веревочках у тебя у руке тоже множество и каждый из них тянет и дергает тебя в свою сторону и в свое время. И получается, что ты никогда не пребываешь в покое, ибо в каждую минуту какой-то шар

куда-то волочит тебя.

– Это неизбежно? – спросил я.

– Для большинства людей, к сожалению, да – со вздохом ответил отец.

– А какое-то средство есть?

– Разумеется. Но сделать это столь же сложно, сколь прост рецепт. Дело в очень важной детали. Веревка, к которой привязан шар, зажата у тебя в руке. И шар властен над тобой лишь до тех пор, пока ты держишься за эту веревку.

Так что тебе даже ничего не нужно делать. Стоит тебе отпустить веревку, как шар просто улетит. Но люди не просто держатся за свои мысли, они буквально вцепляются в них: руками, ногами, зубами. А как они держатся за свои воспоминания, за свое прошлое! Ты спросишь: почему так? А потому, что это их воспоминания, это их прошлое.

Так что единственно, как можно на самом деле избавиться от своих мыслей, – это отпустить их, просто перестать давать им власть над тобой, удерживая их. Даже делать ничего не нужно: отпусти и спокойно и безучастно наблюдай за тем, как они улетают.

Наставление для тебя по этому поводу простое: внешние впечатления (в твоём случае путешествия) никак не меняют и не успокаивают ум. Они лишь развлекают его и на время отвлекают от постоянного потока мыслей.

Впрочем, никто не может тебе запретить отправиться, куда хочешь. Если и не станешь более счастливым, то жизнь

точно начнешь понимать намного лучше.

Чтобы путешествовать, нужен некоторый ресурс. Ресурс этот, по моему мнению, состоит из четырех основных частей: желание, крепкое здоровье, свободное время и деньги.

Ну, желание у меня есть, и чем дальше, тем больше мне нравится бродячая жизнь. Тем более, что я не просто стараюсь увидеть побольше красоты (хотя и это, разумеется, тоже), но и понять, на что я потратил все свои сознательные годы. Возможно, я не лучший философ в империи (хотя многие люди говорят именно так, и я рад это слышать, хотя вслух и отрицаю это), но точно далеко не худший. Ведь человек с таким именем, как у меня, просто обязан быть большим умником. Дело в том, что еще до моего рождения отец выбрал для меня путь философа и подходящее к этому пути имя **«Вейж»**, означающее «большой мудрец».

Но после десятков лет обучения и раздумий большой мудрец **Вейж** не слишком уверен, что философия, которую он искренне считал основой всех наук, такая уж рабочая штука. И чем дальше, тем это впечатление становится все устойчивее. И я боюсь, что скоро оно вообще превратится в твердую уверенность. В общем, наступил момент, когда мне стало казаться, что с помощью книг мне уже ничего не изменить в своем понимании. Так что я езжу, смотрю по сторонам, говорю с самыми разными людьми, думаю обо всем. Иногда даже о философии...

При этом ни одной книги в моем багаже нет. Впрочем, есть одна, та, которую я начинал писать в молодости. Это книга по философии и про философию. Но сейчас я, увы, не уверен, что смогу (и захочу) ее закончить. Ибо я уже плохо понимаю, что это такое и, главное, зачем оно нужно. И чем дальше, тем меньше мне это понятно. Одна (причем весьма призрачная) надежда на то, что отказ от философии книжной и переход к философии земной поможет мне понять что-то. Хотя...

Крепкое здоровье... Ну, это такая эфемерная штука, вот оно есть, а вот его нет. Но я философ и ко всему отношусь философски: пока есть и ладно. А там видно будет. Мне всего шестьдесят, а моему отцу уже хорошо за девяносто и он все время рвется куда-нибудь со мной поехать. Ему все равно, куда ехать и он бы точно поехал, да мать не пускает. Дед тоже прожил под сотню, а прадед так и вообще жил в трех веках. Когда он умер, ему было чуть больше 102 лет, причем, он так «удачно» родился, что первый год своей жизни прожил в одном столетии, сто лет – во втором, и последний год жизни – в третьем. В общем, если нам что-то передается от предков, то я тоже мог бы прожить еще немалую жизнь. Хотя я прекрасно понимаю, что вовремя умереть не менее важно, чем вовремя родиться. А, может, даже важнее.

Свободное время у меня есть, ибо с тех пор, как покинул императорский дворец (а было это ни много ни мало тринадцать лет назад) я на государственной службе не состою и

волен делать все, что вздумается.

Деньги тоже не проблема. Покойный император был щедрым человеком, и жалованья, заплаченного им, мне хватит еще лет на сто безбедной, я бы даже сказал, «небезроскошной» жизни. Про семейное состояние и говорить нечего. Деньги я не зря поставил на последнее, (лучше, наверно, сказать, на завершающее) место. Они некоторым образом связывают путешествие и здоровье. Если у человека железное здоровье и много сил, то он может путешествовать пешком, тащить на себе мешок со всем необходимым, есть что попало и спать, где придется. Кстати, раньше я именно так и делал. Я старался путешествовать летом, и тогда постелью мне служило брошенное на землю покрывало, на котором я расстилал тряпье, которое доставал из заплечного мешка. Это сооружение я гордо называл ложем. А что, я философ, и я точно знаю, что от названия зависит очень многое. Ведь в человеческой культуре очень многое, если вообще не все, основывается на словах.

С едой тоже проблем не было, я даже научился ловить рыбу без всяких приспособлений, голыми руками. Главное тут было сделать так, чтобы рыба не поняла, что ее ловят, такой неспешный «философский» способ ловли. Мягко и незаметно подводи рыбине руку под брюхо, а там хватай ее за жабры покрепче и бросай на берег подальше.

Человеку постарше так путешествовать уже не по силам и да и «не по чину». Ему нужен некоторый комфорт: ему нуж-

но «на чем ехать», ему нужен чистый постоялый двор с мягкой постелью и хорошей едой. А некоторый комфорт требует некоторых денег. Так что деньги, некоторым образом, восполняют некоторый недостаток здоровья. Они вообще много чего заменяют. Я бы даже сказал, что в этом материальном мире они заменяют все. Ну, или почти все.

Это мое путешествие ничем не отличалось от прочих. Ехал я не торопясь: лето длинное, спешить мне некуда, никакой цели у меня нет. Было, правда одно условие, которое я поставил себе сам. Ехать только туда, где я еще не был. Ну, это было не трудно. Для этого хватало ума моего осла. Тот явно считал себя главнее меня и ему очень нравилось, когда я отпускал поводья и позволял ему ехать, куда ему хотелось. Поводья я брал в руки только тогда, когда он пытался забраться в какую-то глушь. Но это случалось нечасто, ибо осел был практичным животным и совершенно не стремился в глухие места, где он, несмотря на всю свою важность, вполне мог стать пищей какого-то необразованного дикого зверя. Ему нравились только широкие дороги, где так много замечательных домов, в которых ему всегда подавали лучшее сено и чистую воду. И, надо отдать ему должное, постоянные дворы он выбирал безошибочно. Не было такого, чтобы в заведении, у которого он останавливался, было грязно или подавали невкусную еду. Глядя на это, я не раз задавался вопросом: почему простой осел знает все, что ему нужно,

а я – нет? Почему он более спокоен и намного чаще бывает счастлив, чем я? Может, мне надо было сразу учиться у него, а не у мудрецов, которых я искал по всей стране?!

Не ошибся осел с выбором и в этот раз. Еда в трактире, у которого он остановился, была очень простой, но гармоничной. Про гармоничность еды мне рассказывал повар Пинг, заведовавший кухней в императорском дворце. Он говорил, что правильное сочетание ингредиентов должно являть собой гармонию. Кстати, он не только так говорил, он это давал попробовать на вкус. Приятный вкус Пинг считал основным, но не единственным признаком гармоничной еды. Вкус должен был еще правильно сочетаться с формой, запахом, обстановкой и способом подачи блюда. Тут было важно все, вплоть до того, что в идеале пища должна была подаваться так, чтобы «кусочек еды» был размером с один укус. Чтобы внимание человека могло сосредоточиться не на «откусывании-жевании» пищи, а на ее вкусе. Помню еще, как он возмущался, когда много путешествующие придворные привезли и показали ему столовые приборы длинноносых.

– Как можно этим есть?! – восклицал он. – Ведь за столом каждое блюдо имеет смысл, даже персик – это не просто персик, это важнейшая штука, ибо он являет собой символ долголетия и бессмертия.

А про Новый год и говорить нечего, там каждое блюдо имеет значение. Пельмени – это знак единства семьи, и потому их лепят всей семьей. Блюда из курицы символизируют

ют борьбу добра со злом и исполнение загаданных желаний. Кстати, мне всегда было интересно, как такая глупая птица, как курица, может исполнять желания?! Ну, бороться со злом – это еще куда ни шло, ведь бойцовый петух – настоящий воин, правда, ему все равно с чем бороться. Но исполнять желания...

Каждому члену семьи отводится кусок курицы, подобающий его положению. Главе семьи – куриные лапки; детям – крылышки; самому старшему – голова и хвостик. Как это толкуется я не знаю, сам для себя я объясняю это так: глава семьи удерживает на себе всю семью подобно тому, как курица опирается на лапки; дети все равно разлетятся, потому им и крылышки; старейшина самый умный и конец его близок – вот тебе голова и хвост. Чушь, конечно, но зато я никогда не забуду, кому какой кусок положить.

Гусь и утка под красным соусом якобы способствуют изобилию и процветанию. Тут мне кажется слегка перепутана последовательность. Такое блюдо стоит недешево и позволить его себе может только человек, который уже богат и благополучен. Так что я сказал бы, что гусь и утка не столько не способствуют изобилию и процветанию, сколько сопутствуют им.

Чеснок под маринадом тоже помогает разбогатеть. А тому, кто съест рыбку голову, обеспечена мудрость. Красные отварные креветки тоже очень приветствуются, ибо они приносят хорошее настроение, радость и смех. Кроме того, что

я профессиональный повар, я еще и очень любопытен. Все это я пробовал и не заметил, чтобы от поедания рыбной головы человек умнел (хотя, может, без этого он был бы еще глупее), а от креветок больше смеялся. Впрочем, проверить это невозможно, а традиция она на то и традиция, чтобы в нее верить, а не проверять.

Лапша (она обязательно подается и на день рождения) являет собой символ длинной и счастливой жизни, причем, чтобы эта примета работала, лапшу нужно втягивать целиком, а не ломать или откусывать. Про **рис** и говорить нечего: кроме того что это самая распространенная еда, которую любят и богатые, и бедные, это еще и знак чистоты, плодородия и богатства.

Бобовые – тоже полезная вещь, потому что они отгоняют от дома злых духов. В это я как раз верю, потому что у человека, поевшего такой еды, начинают обильно отходить газы, аромат которых ни один злой дух не выдержит.

Яйца способствуют увеличению плодородия. **Сельдерей символизирует** усердие и трудолюбие и потому его положено подавать в семьях, в которых дети ходят в школу. **Апельсины и мандарины – на удачу и процветание, а пирог из сладкого риса – на успех.** Про напитки не говорю: там свои тонкости, а я всего лишь повар, в этом не слишком разбираюсь, для этого у императора есть другой человек.

Даже прибор, которым мы едим, это не просто пара па-

лочек, – восклицал повар Пинг, который, как я понял, был весьма эмоциональным человеком (он говорил, что в еде, приготовленной без добрых эмоций не будет души), – это олицетворение философской концепции.

Помню, что в этом месте мне стало интересно и я стал слушать внимательней. Ведь я, какой-никакой, а философ.

– Так вот, – размахивал руками Пинг, – палочками едят все, ведь их придумал император Юй великий, когда ему пришлось трудиться, как простому рабочему. Однажды река вышла из берегов. и ему нужно было срочно возвести дамбу прежде, чем затопит город. Он очень спешил и ел прямо на месте стройки. Там же он готовил пищу. Все у него было по-просту, даже столовых приборов у него было. Поэтому куски горячего вареного мяса он вытаскивал из кипящей воды прямо руками. Потом он то ли обварился, то ли ему просто надоело это безобразие (император он или кто попало) и он стал накалывать мясо на палочку. Придворные лизоблюды (хоть какая-то он них польза) тут же переняли эту манеру и разнесли ее по всей империи.

– А философия-то тут при чем? – не утерпев, прервал его я.

– За что я люблю философов, – не преминул поддеть меня повар, – так это за то, что они витают в облаках и не видят своей философии прямо у себя под носом. Или надо сказать у себя во рту? Смотрите внимательно, господин Вейж, – с этими словами он поднес палочки для еды к самому моему

лицу.

Нашел, чем удивить, можно подумать, я их прежде не видел.

– Так вот, – наставительно сказал Пинг, размахивая палочками так интенсивно, что мне пришлось на всякий случай отодвинуться, – правильные палочки в середине имеют круглое сечение (круг – это Небо), а на концах квадратное (квадрат – это Земля). Пальцы едока расположены примерно в середине палочки и обозначают человека, находящегося между Небом и Землей. Таким образом, палочки символизируют союз Неба, человека и Земли. Считается, что они приносят удачу и потому входят в число свадебных подарков. Хотя лично я трактую это несколько иначе: пусть молодым хорошо «кушается».

Когда воспитанный человек вкушает пищу, он держит палочки так, что большой и указательный палец естественным образом оказываются наверху, а мизинец и безымянный палец – внизу. Средний же палец располагается между палочками.

И все это имеет совершенно определенное значение: указательный и большой пальцы символизируют гибкость и незыблемость законов Неба; безымянный палец и мизинец означают Дао Земли или взаимодействие мирских людей; средний же палец – это император, связывающий Землю и Небо, и потому называющийся сыном Небес.

Даже длина палочек, равная семь Цунь и шесть Фэнь, име-

ет значение! – восклицал Пинг. – Эти числа связаны с буддийской концепцией о семи страстях и шести желаниях.

Я пришел в полный восторг: надо же, тут тебе «квадратный» Инь и «круглый» Ян; тут и трехчастное строение мира в виде связи Неба, Земли и человека (вместе с его страстями и желаниями). Не просто палочки «для пожрать», а прямо какой-то символ мироустройства.

А повар тем временем продолжал:

– Какая прекрасная и гармоничная картина! Как это отличается от ножа и этой шипастой штуки, которую глупые белые варвары называют вилкой и которую используют для еды. Это же самое настоящее колющее и режущее оружие! Как цивилизованный человек может держать оружие на обеденном столе?!

Ведь за столом важно все, вплоть до манер тех, кто принимает пищу. Кто, например, захочет обедать в обществе невоспитанного хама? А как иначе можно назвать человека, держащего за обедом в руке острый нож?!. Ведь старец Кун Цзы давным-давно говорил, что воспитанные люди вообще «не держат ножей на столе».

– А почему? – спросил Ксан, который тоже с явным интересом слушал эту импровизированную «лекцию». Я давно заметил, что он любил слушать, как люди рассказывают о том, что умеют и любят делать. Он говорил, что такие разговоры имеют «привкус настоящего Гун-Фу».

– Так я же, – удивился Пинг, – только что сказал, что нож

– это оружие, а оружию не место на обеденном столе.

– А это? – мастер Ксан взял со стола пару серебряных палочек.

– Какое же это оружие? – снова удивился повар.

Не отвечая, Ксан очень легко ткнул его куда-то около плеча. Повар охнул и посмотрел на свою повисшую руку.

– Какой ужас! – запричитал он. – Завтра у императора прием послов. Как же я буду готовить, ведь эти бездельники, которые состоят у меня в подручных и считают себя поварами, без меня никак не управятся.

– Конечно, не управятся, – согласился Ксан и ткнул повара другой палочкой.

Повар с удивлением посмотрел на свою руку: та снова могла двигаться.

– Мастер Ксан, – обиделся он, – я вам рассказываю про важные вещи, про еду, а вы меня пугаете, всякие непонятные фокусы показываете.

– Ну, у вас же часто побаливает это плечо? – усмехнулся Ксан.

– Да, постоянно, – кивнул повар, – а особенно на погоду, вот сегодня точно к вечеру дождь пойдет, с самого утра плечо ноет.

– Думаю, не ноет, а ныло, – мило улыбнулся Ксан.

Повар подвигал плечами, видимо, пытался «найти боль», но не мог. Потом еще раз, потом еще и еще. Потом растерянно улыбнулся:

– Не болит, – потом подумал и с удивлением добавил – совсем не болит. Я так привык к этой боли, что уже и забыл, как можно жить без нее.

– Это чепуха, так сказать «попутное» лечение, – небрежно махнул рукой Ксан, – так легко и быстро получается редко, поэтому на такие, как вы изволили заметить, «фокусы» не нужно обращать внимания. Тем более, что явно пошло на пользу. Суть же в том, что все в этом мире может быть использовано и как оружие, и как средство для лечения. Так что белые варвары не такие дураки, какими кажутся.

Если вы, например, захотите убрать с вашей кухни все оружие, то придется выбросить не только ножи, но еще и все сковородки и кастрюли. Я уж не говорю про вертел, на котором вы жарите быка целиком, и про тот огромный ухват, которым вы достаете большущие кастрюли из печи. Кстати, о печи. Огонь тоже нужно будет запретить, ибо если понимающий человек приготовит факел и сунет его в пламя, то без лучников с ним нелегко будет управиться даже умельцам из дворцовой стражи.

– Да ну вас, мастер Ксан, – махнул рукой повар, – для вас все оружие. Вы, можно сказать, сам по себе оружие. Иногда от одного вашего взгляда становится страшно.

– Нет, я всего лишь допускаю варианты, причем в «обе стороны»: что кажется явным Ян, может быть использовано, как Инь. И наоборот. Разумеется при правильном понимании.

Так мне однажды перепало то, что я для себя называл «философией еды». Когда повару Пингу надоедало говорить о приготовлении пищи (что бывало нечасто, ибо дело свое он любил и мог говорить о еде часами) и объяснять подробно, он говорил просто: «все должно быть столь же вкусно, сколь и красиво».

И пусть это лишь «философия еды», но это все равно философия. И такая философия нравится мне чем дальше, тем больше.

Вообще, сейчас вся моя жизненная философия сильно упростилась и умещается всего в одну фразу: чем спокойнее ум, чем меньше ненужных мыслей, тем лучше.

Когда вы научитесь «неделанию», вы достигнете всего того, что можно сделать через «действие». Медитация – это состояние полной, бдительной пассивности. Но обычно очень трудно сидеть, ни о чем не думая. Как только вы садитесь медитировать, в голову начинают лезть всякие мысли, проникая в ваш ум извне или изнутри. Поэтому надо сесть поудобней, расслабиться и просто наблюдать ваши мысли как свидетель, оставаясь внимательным и не отождествляясь с ними. Бдительность – это ключ. Вы должны быть все время внимательны и наблюдать свои мысли. Вы не должны думать, что вы наблюдаете. Надо просто наблюдать.

Если вы можете это сделать, мысли мало-помалу

утихнут, и ваш ум станет безмолвным, но в то же время
бдительным.

Чандра Свами Удасин

Во дворец (или кто будет учить принца?)

В этом мире вы не можете нравиться всем и каждому. Правильнее было бы сказать, что вы не можете по-настоящему нравиться ни одному человеку в этом мире. Другие вас любят, пока они в вас так или иначе заинтересованы, пока вы не перешли им дорогу. Вы можете делать человеку много хорошего, но стоит вам лишь один раз не угодить ему, как все это сразу же забывается, и вы впадаете в немилость.

Вам надо выбрать: будете ли вы и впредь угрождать другим или же займетесь серьезно своим духовным развитием. Пока другие не мешают вашему внутреннему духовному развитию и не вмешиваются в вашу практику, вы можете общаться с ними. Но старайтесь все же взаимодействовать лишь с теми, кто, как и вы, духовно развивается. Старайтесь избегать общества тех людей, которые не интересуются Божественным и придерживаются других жизненных ценностей, нежели вы.

Чандра Свами Удасин

Пужинав, я не торопился идти спать. Хотя было не холодно, в очаге (просто так, для уюта) горел огонь, и я просто сидел и смотрел на него. Я вообще любил глядеть в пламя, в нем можно увидеть все, что захочешь. Мне нравилось в ог-

не все: тепло, мерцающий свет, звук потрескивающих сухих дров и даже запах.

Любовь к огню была у меня наследственной, мой отец тоже любил сидеть дома у очага. Он говорил об огне так:

– Для древних людей огонь был чем-то божественным и наделенным сверхъестественными качествами. Он освещал, согревал, защищал по ночам от хищников, отгонял насекомых, помогал готовить, изменяя при варке и жарении вкус пищи. Он даже продлевал день! В общем, сплошная магия и чудеса. Но тут не о чем говорить, ибо это чепуха, известная любому придворному историку.

У меня же есть собственная теория по поводу костра или очага, вокруг которого собирались люди, я ее называю теорией «общего огня».

Людям всегда нужно что-то, вокруг чего можно объединиться. Это может быть что угодно: семья, деревня, религия, общее ремесло, совместная работа, все равно что, лишь бы это позволяло им иметь что-то общее.

Костер – это прекрасная штука для совместного времяпрепровождения. Все вместе, всем тепло, все расслаблены, все чувствуют себя в безопасности, а если удалось хорошо поохотиться и на костре жарится мясо, то и предвкушают обильную трапезу. Согревшись, расслабившись и наевшись, они начинают общаться, образуя, пусть первобытное и примитивное, но сообщество. В общем, костер может быть поводом для многих вещей в жизни человека.

Я же никогда не пытался это анализировать. Видимо, я все-таки не настолько ученый, насколько мой отец. У меня подход другой: согревает, успокаивает, дает мне чувство покоя и гармонии, вот и ладно.

Но вдруг гармония нарушилась. Резко хлопнула дверь, и в обеденную комнату вошли двое. Взгляды всех посетителей обратились на них и тут же опустились в пол. Я усмехнулся. Понятное дело: знакомая всей стране форма императорской стражи.

Их все боятся и никто не любит. Вообще говоря, никто никого не любит, но этих не любят особенно сильно. Лучше сразу опустить глаза, чем нарваться на неприятности. Уж я насмотрелся на таких парней за те семь лет, что обучал наследного принца философии и прочим важным для благородного мужа дисциплинам. Правда, во дворце их вообще никто не замечал. Так, стройные статуи в роскошных, расшитых золотом костюмах. Впрочем, любой чиновник понимал: стоит императору кивнуть, статуи оживут, и тому, на кого император укажет пальцем, уже никто не позавидует.

Меня все это не касалось. В те времена я был почти другом (даже императору тоскливо, если у него совсем нет друзей) императора и учителем наследного принца.

Меня пригласили обучать наследного принца, когда тому стукнуло восемнадцать. Хотя «пригласили» – это, пожа-

луй, не совсем правильное слово. Разумеется, все выглядело очень мило, я бы даже сказал, чуть ли не ласково, ведь предполагаемый наставник будущего императора – это несомненная фигура при дворе. Но столь же несомненным было полное отсутствие у меня выбора. Слово императора – это всегда приказ, даже если это кажется вежливой просьбой.

Честно говоря, ехать мне не хотелось. Не хотел этого и мой отец, который справедливо полагал, что человеку, посвятившему себя философии, совершенно ни к чему суета, интриги и опасности императорского двора. Как мне потом рассказывали, сначала на эту должность без всякого конкурса хотели назначить моего отца, который был очень известен в ученом мире. Но потом решили, что для такой работы он староват и не сможет управиться с принцем, который был известен живостью характера. Меня же решили попробовать, «как сына известного отца». Претендентов было много и проверяла их целая комиссия, состоящая из дюжины «книжников». Экзаменаторов было так много, потому что философия считалась «наукой наук» и человек, мнящий себя ее знатоком, должен был разбираться еще и в истории, математике, да много в еще в чем, включая игру в Сянци и, смешно сказать, рукопашный бой. Хотя смешного тут ничего не было: и то, и другое основано на базовых понятиях философии. Именно поэтому мой отец говорил, что игра в Сянци и занятия воинским искусством – это реализация философии вовне, иначе говоря, наглядная демонстра-

ция того, как работают философские принципы. Ну, например, принцип Инь-Ян, Пять элементов и Восемь триграмм.

И он, спасибо ему большое, не только говорил, но нанимал самых лучших учителей, чтобы те обучали меня и тому, и другому. Сянци – это еще куда ни шло, мне нравилось сидеть, думать, переставлять фигуры, разбирать с наставником партии. Физические же упражнения меня никак не привлекали.

Отец, приучавший меня думать, обычно никогда просто так не наседал на меня и не принуждал меня к занятиям рукопашным боем, он всегда начинал издалека и под все подводил «философскую базу»:

– Все просто, – говорил он. – Если есть внутреннее, то должно быть и внешнее. Если у тебя есть ум, то должно быть и место для его надежного сохранения. Ум сохраняется в голове, голова – это часть тела. Так что, чем сильнее и гибче твоя шея, чем крепче и надежнее тело, тем сохраннее ум. Уму нужно что-то «есть», а аппетит у него, поверь мне, немалый, «жрет» он, думаю, побольше, чем любой из прочих органов. «Кормится» он тем, что ему предоставляет тело, так что чем лучше работает в теле система кровоснабжения, чем больше в нем накоплено Ци и чем свободнее она движется по каналам, тем лучше работает ум. Философу нужен очень сильный ум, но стать «умом без тела» не получится, так что если хочешь, чтобы твой ум был обеспечен энергией, чтобы он работал в полную силу, чтобы тело имело силы

высидеть часами над книгами, чтобы глаза могли разбирать иероглифы величиной с мушиную головку, упражняя в достаточной степени свое тело. А какие упражнения подходят для этого больше, чем Ци-Гун и У-Шу? Не за плугом же тебе идти. Несомненно, дело важное, без этого никак, но оно больше утомляет и изнашивает тело, чем упражняет и укрепляет его.

Правильные занятия Ци-Гун и У-Шу упражняют не только тело, но и ум, они дают способность к сосредоточению. Например, средний человек способен концентрировать внимание примерно на время двух «вдохов-выдохов». Всего лишь пару раз вздохнул, и потерял «нить внимания». Мастер же У-Шу способен пребывать в состоянии полного сосредоточения столько, сколько нужно, ибо, стоит ему лишь на мгновение потерять концентрацию, как он тут же будет убит.

И, наконец, возможно, самое главное: У-Шу – это искусство свободного человека. Учить такому рабов – это самоубийство, ведь это искусство освобождает человека от страха. Человек, ум которого утратил способность бояться, все делает иначе: он ведет себя иначе, общается с другими людьми иначе, быстрее и легче принимает решения. Он обретает не только тело, способное свободно двигаться, но и ум, способный свободно думать.

Так что в конце концов отец постепенно (а он все делал постепенно и не торопясь) уговорил меня, и я кое-как

принялся заниматься. Точнее, я не столько стал заниматься, сколько перестал сопротивляться занятиям. А там постепенно и привык. Тем более, что «поедания горечи» в моих занятиях почти не было. Разумеется, я с самого начала обучения знал старинное правило: «обучаться У-Шу – это все равно что есть горечь». Все наставники, как один, делали суровый вид и постоянно твердили мне об этом. Так что я затвердил это намертво, но, честно говоря, не понимал. Какая тут «горечь», ну, перепадет изредка (совсем без этого не получается), но в основном занятия, скорее, напоминали игру, чем серьезное обучение рукопашному бою. Уж не знаю, в чем тут дело: то ли отец дал наставникам указания не бить и не напрягать меня, чтобы я не бросил, то ли они сами понимали (дураков среди них точно не было), что у меня совершенно другой путь и я никогда не стану настоящим бойцом и поэтому нет необходимости браться за меня всерьез. А, может, была еще какая-то неизвестная мне причина. Но это не имеет значения, для меня было важно то, что процесс обучения был построен так, что я больше развлекался, чем учился.

Кстати, позднее оказалось, что все было сделано правильно, ибо скоро мне стало интересно и тогда неожиданно выяснилось, что у меня несомненный талант к боевым искусствам. Так, во всяком случае, говорили мои наставники рукопашного боя. У отца же была другая точка зрения.

– Какой там талант, – пренебрежительно махал он рукой. – Просто тебе сейчас это кажется занимательным, а каждый

человек легко добивается успеха, делая то, что его интересует. И наоборот: даже самый умный человек, делающий то, что ему не интересно, будет выглядеть (и вести себя), как самый настоящий тупица.

Наставники, разумеется, объясняли мне внутреннюю суть искусства, но, учитывая мое малолетство, уделяли этому не слишком большое внимание. И тут меня удивил отец. Вдруг выяснилось, что эти вещи он знает (и умеет!) ничуть не хуже наставников, только объясняет все проще, понятнее и не преподносит это, как величайший секрет, свойственный одному какому-то стилю:

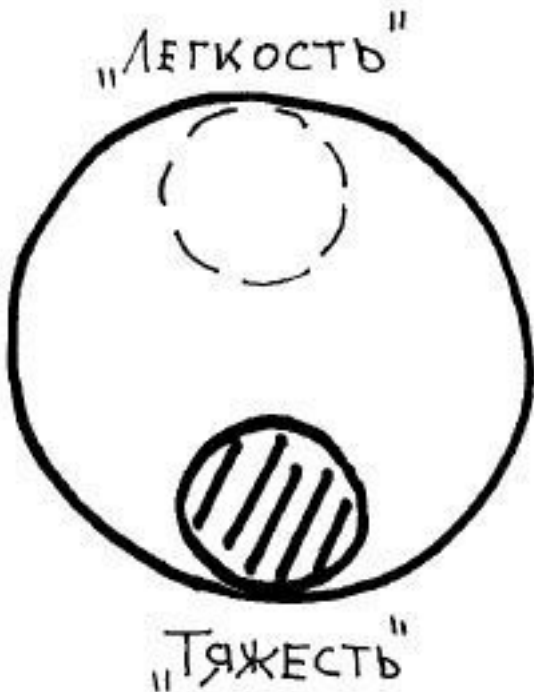
«Пара «Инь – Ян»¹ в рукопашном бое работает очень явно. Если в твоём противнике, в его действиях много агрессии, много полноты, много Ян, тебе необходимо стать податливым, мягким и пустотным Инь, и тогда его расширяющий Ян, не встречая сопротивления, просто провалится в пустоту. Если же противник хитер, мягок и изворотлив, если он становится Инь, то ты становишься могучим Ян, сметаешь все на своём пути, заполняешь пустоту и прорываешься к его центру. В общем, все исключительно просто. Важно лишь понимать, что отношения Инь и Ян, Пяти элементов и Восьми триграмм не статичны, что они непрерывно меняются. И то, что только что было Инь, становится Ян. И наоборот.

Поэтому главное, чему ты должен научиться, – это пони-

¹ См. том 1, раздел «Инь и Ян».

мать (точнее, мгновенно чувствовать), где сейчас пребывает Инь, а где Ян. Человек, научившийся использовать это, начинает двигаться, практически не используя физическую силу. Разумеется, совсем без нее не обойтись, но ее применение сводится к «прожиточному» минимуму под названием «лишь бы не упасть».

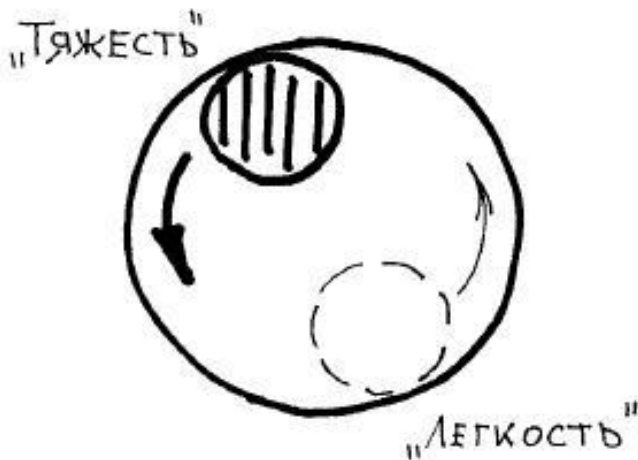
Представь себе шар, внизу которого находится «тяжесть», а сверху – «легкость».

Такой шар будет полностью устойчив: для того, чтобы его перевернуть (а потом, при необходимости, еще и удерживать) «тяжестью» вверх, требуется сила. И, разумеется, время: попробуй переверни тяжелый шар, намучаешься!

Для того, чтобы шар перевернулся «сам собой», нужно «тяжесть» поместить вверх, а «легкость» вниз. И тогда тя-

жесть, стремясь опуститься («тяжесть» – это свойство Инь, которая, как вода, стекает вниз), потащит верхнюю часть вниз. «Легкость» же, стремясь подняться («легкость» – это свойство Ян, который, подобно языкам пламени или воздушному шару, вздымается вверх), потащит нижнюю часть шара вверх. В результате пара сил «тяжесть-легкость» мгновенно и безусильно перевернет шар.

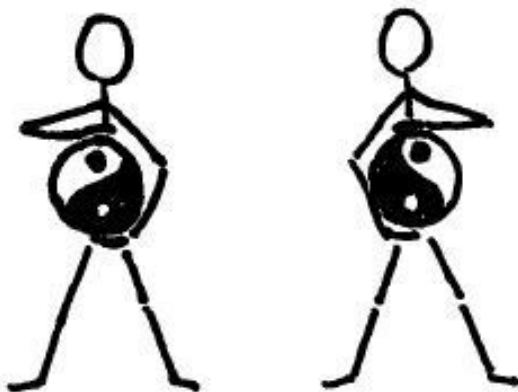

И сразу становится понятно, как это работает. Представь человека, вращающего шар Тай-Цзи»².

² См. том 2, раздел «Полный традиционный комплекс Ци-Гун «Красный цвет», подготовительное упражнение «Вращать шар Тай-Цзи».

Кстати, он называется шаром Тай-Цзи не просто так, а за свои «волшебные» свойства. Простой шар тебе пришлось бы вращать с помощью физической силы, а шар Тай-Цзи поворачивается сам, стоит лишь тебе поменять в руках Инь и Ян, которые в данном случае выражаются в «легкости» и «тяжести».

Представь себе, что лицом к тебе стоит человек, держащий этот «волшебный» шар Тай-Цзи. В правой руке у него Ян («легкость»), а в левой – Инь («тяжесть»).

Стоит ему мысленно поменять Инь и Ян в руках местами, как «волшебный» шар Тай-Цзи естественным образом повернется так, чтобы «легкость» оказалась наверху, а «тяжесть» – внизу.

И, главное, без усилий, сам собой.

Этот «Инь-Ян фокус» можно использовать не только для поворота, но и для изменения формы. Например, человек ходит, горбясь.

Это портит здоровье и потому совершенно недопустимо и подлежит «исправлению». Обычно это «исправление» делается за счет каких-то физических усилий, например, выпрямления спины, выпячивания груди и отведения плеч назад. Все это очень хорошо, но при таком подходе человек напрягается и помещает себя как бы в «мышечный корсет», утрачивая в результате легкость и гибкость.

А можно сделать все совсем иначе. Если мы в голову поместим «легкость», то она «взлетит» сама собой, вытягивая и выпрямляя при этом спину.

Это называется «свободная голова свободного человека свободно взмывает вверх». Я уже говорил тебе, что У-Шу – это искусство свободного человека, обладающего умом, способным свободно думать. Тогда я не сказал тебе важную вещь: это должен быть ум, свободный также от лишних мыслей. Ибо лишние мысли тоже имеют «тяжесть» (если не физическую, то эмоциональную точно), они заставляют человека опускать голову к земле и горбиться. Если же человек

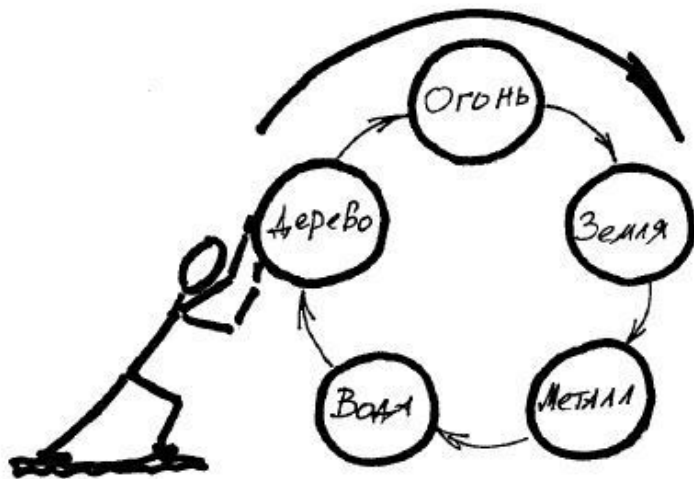
освобождается от лишних мыслей, то голова его «свободно взмывает вверх», выпрямляя его физическую структуру.

Вот тебе и практическое применение закона Инь-Ян. То, о чем я говорю тебе с того момента, как ты начал изучать философию. Философия тренирует ум и дает ему инструменты для понимания (философские принципы), с помощью которых хорошо выдрессированный ум способен наилучшим образом управлять всем его окружающим. В том числе и физическим телом человека.

Мы начали с закона Инь-Ян лишь потому, что это базовая часть философии. Но все прочие философские принципы тоже имеют непосредственное применение в воинских искусствах. Например, Схема Пяти элементов работает, в точности следуя правилу взаиморазрушения Первоэлементов: Металл рубит Дерево; Дерево корнями разрыхляет Землю; Земля засыпает источник с Водой; Вода гасит Огонь; Огонь плавит Металл»³.

Представь себе, что противник нападает на тебя, применяя технику, использующую энергию Первоэлемента дерева. Условно говоря, «вращает» схему Пяти первоэлементов так, чтобы «накатить» на тебя Дерево. Ну, примерно, так:

³ См. том 2, раздел «Пять элементов», «Взаиморазрушение (подавление) элементов».

Иначе говоря, если он атакует прямым ударом, которому соответствует Дерево, то ты должен защищаться с помощью рубящего удара, олицетворяющего энергию Металла (рубить Дерево Металлом). Разумеется в реальности все не так просто и однозначно, но такой подход дает тебе возможность увидеть, как «работает» философия, поверить, что это не пустые слова и умствования.

Кстати, если в рукопашном бое все происходит очень быстро и потому бывает «незаметно, изменчиво и туманно», то в системах Ци-Гун, основанных на принципе Пяти элементов, все работает совершенно очевидным образом. Там

происходит «вращение» схемы Пяти первоэлементов в порядке взаимопорождения. Например, так: упражнение для печени (Дерево); упражнение для сердца (Огонь); упражнение для селезенки (Земля); упражнение для легких (Металл); упражнение для почек (Вода). И так каждый Первоэлемент порождает и поддерживает последующий.

Учитывая, что «взаимоотношения» между категориями философии чрезвычайно просты, ты, поняв «что где находится», сможешь выполнить безупречное действие, причем в соответствии с правилами философии. И получится, что твои занятия философией обретут явно видимую реализацию».

Наставники не знали, что отец втихомолку занимается со мной, они только ахали, удивляясь скорости моего прогресса и тому, откуда у такого молодого человека такое глубинное понимание сути Ци-Гун и воинского искусства.

Став чуть старше, я спросил отца, как ему удавалось скрывать свое мастерство. На что он ответил мне так:

– Во-первых, есть древнее правило: *«Старайся говорить как можно меньше; еще меньше говори о том, чем серьезно занимаешься; еще меньше говори о том, чему еще не до конца научился»*. Это правило известно немногим, и те, кто его знают, говорят, что ему нет цены, ибо следование ему заметно увеличивает вероятность достижения успеха в том, чем ты занимаешься. Дело в том, что у каждого человека есть

определенное количество энергии (сил, времени и других ресурсов), которое он может выделить для практики. И если часть этой энергии перевести на пустую болтовню, то на самую практику может и не хватить. Кроме того, попусту «выбалтывается» энтузиазм, который должен был бы остаться для практики. А если еще и начать преподавать какое-то искусство до того, как сам освоишь его, то для себя точно ничего не останется.

Во-вторых, я ученый и книжник. Мне это не нужно, да и «не положено». Мое ремесло думать, а от воинского искусства одни неприятности. Так что и тебе советую то же самое. Будет нужда – используй без всяких колебаний. А без нужды никогда не показывай того, что умеешь. Это как драгоценный камень. Только дурак выставляет его напоказ, ибо всегда найдутся желающие отнять его. Умный же человек, отправляясь в путешествие, прячет его под подкладку халата. А если учесть, что совершенномудрый всегда в дороге, то он никогда не выставляет своих сокровищ напоказ.

– И в чем же его «совершенномудрость»? В том, что он протаскается со своими игрушками всю жизнь, ни разу ими не воспользовавшись? – с некоторым сомнением спросил я.

– Если не будет нужды, то именно так и произойдет, – подтвердил отец. – А будет нужда, так он без стеснения применит свое сокровище. А, может, без всякой жалости отдаст или продаст его, ведь он к нему совершенно не привязан. Сейчас, например, при дворе такая мода, что без воинского

искусства никуда, уж больно его любит нынешний император. Вот, например, попадешь ты туда когда-нибудь (чего я, кстати, совершенно не хотел бы) и придется тебе доставать свое сокровище из-за подкладки. Хотя это пока не сокровище, а так, поднятый с земли камень, из тех, которые тысячами валяются при дороге. Его еще шлифовать и шлифовать.

А твое «явное», так сказать «официальное» сокровище — это философия. Именно так ты и будешь представляться людям, именно так ты будешь зарабатывать себе на жизнь. И это гораздо более тонкая и изысканная работа, чем мордобой, даже если его называют искусством. Но, может, ты вообще не захочешь работать. Для тебя это вполне нормально, ибо наша семья достаточно богата, чтобы не напрягаться по поводу куска хлеба.

Так что про мои занятия воинским искусством никто из посторонних не знал. Обучавшие меня наставники обещали отцу никому об этом не рассказывать. Все они были достойнейшими людьми, и я не сомневаюсь, что они сдержали свое слово. Так что до того момента, когда я попал в императорский дворец, мне иногда и самому казалось, что я этого не умею.

Доставили меня тогда во дворец (прошло двадцать лет, а будто было вчера), если не сказать что с почестями, то во всяком случае с некоторым уважением. Я не обольщался, понимая, что я никто и зовут меня никак, и что это уважение бы-

ло адресовано не мне, а моему отцу. Видимо, сопровождающим (а, может, и конвою) было приказано постараться быть хоть сколько-то любезными. Правда, у них это не слишком получалось, но «кто на что учился». Кстати, те тоже были похожи на ту парочку, которая только что зашла в обеденную комнату. Такие же «каменноликие» и без всякого выражения в глазах. Хуже таких ребят выглядела только тайная императорская служба. У тех глаза были совсем пустые, я бы даже сказал, что они были «безглазые» (про себя я их именно так и называл). Лица у них тоже не было, точнее сказать, у них не было *своего* лица, ибо они умели придавать ему любое выражение: от сладчайшего до ужасного. Впрочем, все это пустое: у каждого человека своя служба, своя Карма и соответствующее этому выражение лица. И с этим ничего не поделать, разве что принять и забыть. Это я, кстати, понял не тогда, когда занимался философией и не тогда, когда жил во дворце. Это дошло до меня за долгие годы моих путешествий: люди разные, уровень сознания у них разный; прими их такими, какие они есть, и это позволит тебе избежать множества неприятностей, огорчений и переживаний.

Во дворце со мной обошлись тоже достаточно аккуратно. Мне отвели отдельные покои и дали три дня на то, чтобы привести себя в порядок после дороги и привыкнуть к здешней обстановке. Даже девушку прислали на ночь. Видимо, чтобы лучше привыкалось. «Подарочная» девушка была красивая, но мне было точно не до нее. Нужно было со-

средоточиться, и я решил немедленно отослать ее. Ну, чтобы не отвлекала. Но потом подумал и решил, что не знаю, кто прислал ее и кого я обижу, отправив ее прочь. Так что я сослался на усталость и оправил ее прочь, но не совсем, а в другую комнату. А сам улегся и «заказал» себе сон: пусть мне приснится все, чему меня учил отец. Наутро я уже не помнил, что мне снилось, так, какие-то урывки, правда, все они были «по теме».

Поев, я отправился гулять в дворцовый парк, который был огромен. Впрочем, я не пытался осмотреть его весь. Если я останусь, то у меня будет время нагуляться. А если я сейчас не сосредоточусь, то точно не останусь. Остаться мне не очень хотелось, но экзамен я должен был сдать. Ну, хотя бы ради того, чтобы не позорить отца, который почти наверняка был известен тем, кто должен был меня экзаменовать. Империя большая, но настоящих философов в ней можно счесть по пальцам. А мой отец точно настоящий.

Так что гулять я особенно не стал, хотя и хотелось. Я уселся в беседке, стоящей на берегу пруда, в котором плавало несколько больших рыбин, покрытых разноцветными пятнами. Отец как-то рассказывал мне про этих драгоценных рыб. Это были императорские, или парчовые, карпы, стоившие баснословных денег. Оно было и понятно, вывести такую «рыбешку» – сложное дело, требующее не только большого умения, но и очень больших хлопот. Из нескольких миллионов мальков отбирают несколько тысяч; потом их растят;

потом скрещивают между собой. Из полученного потомства выбирают несколько рыбешек и растят лет десять, до тех пор, пока они не достигали достаточных размеров. Но зато в конце процесса получают неопишуемой красоты рыбы. Именно такие, какие плавали передо мной в пруду.

Мне больше всего понравилась белая метровой длины рыба, покрытая почти симметричными ярко-красными пятнами. Отец говорил, что в таких рыбах ценится не только расцветка и размер (рыба длиной менее полуметра вообще рыбой не считается), но и поведение в воде: как карп плавает и даже какая у него «осанка». В общем, рыба должна производить впечатление целостности, естественности и гармонии. Хотя как рыба может быть не целостной и какая у нее может быть осанка, я не понимал.

В голову мне пришла неожиданная мысль: только здесь можно увидеть таких рыб, в таком количестве и без охраны. Впрочем, почему без охраны, она наверняка была, только я ее не видел. Думаю, одной из ее задач было не мешать тем, кто пришел полюбоваться «золотыми рыбками». Кто попало в это парк не попадал. Так что если человек пришел, то он имеет право. Впрочем, толпы желающих насладиться этой живой красотой я не наблюдал – парк был не только прекрасен, но и безлюден. Пользуясь случаем, я уселся в беседке (а какая там была удобная скамья) и стал наблюдать за понравившейся мне рыбиной. Моей задачей было подготовиться к экзамену, и сделать это я мог только одним способом – успо-

коив свой ум. А «смотрение» на рыб казалось мне для этого не менее подходящим занятием, чем «смотрение» на огонь.

– У вас прекрасный вкус, молодой человек, – раздался у меня над ухом приятный голос. – Мне тоже больше всех нравится эта красно-белая рыба. Ни одного изъяна, ни одного отклонения от канонов. Обычно этим рыбам не дают имен, лишь у одного карпа в этом бассейне есть имя, мой отец нарек его Старейшиной. И, надо сказать, это имя он вполне заслужил: когда он обрел это имя, ему, судя по дворцовым записям (а придворные писари большие зануды и у них всегда все точно), насчитывалось полторы сотни лет. В те времена я был совсем мальчишкой. А теперь ему уже, поди, под двести. И это при том, что обычно эти рыбы живут лет тридцать – сорок. Так что это не рыба, а самый настоящий долгожитель. Но важно не это, важно, что все это время она жила в одном и том же дворце, в одном и том же бассейне. Так что это не просто рыба, это символ непоколебимости империи.

Рыба же, которая вам так нравится, совсем молодая, ей лет десять – двенадцать. Но у нее тоже есть имя, она настолько безупречна, что я назвал ее Танцующей красоткой. Она умная даже для парчового карпа. Видите, как она крутится у борта, хочет, чтобы вы погладили.

Я оглянулся и увидел у себя за спиной среднего роста человека лет на десять старше меня. И какой я ему молодой человек! Но я тут же вспомнил, где нахожусь и кого тут можно встретить. И кто имеет право давать имена императорским

карпам. Я попытался вскочить, но человек придержал меня за плечо.

– Все в порядке, я пойду, не буду мешать вашему почтенному занятию.

И он, не торопясь, удалился. Не знаю, кто он такой, но если судить по осанке, то это, скорее всего, сам Сын Неба. Хотя для такового он слишком скромно одет и слишком просто держится. Впрочем, какая мне разница?

Когда он ушел, я погрузил руку в воду. И тут же Танцующая красotka подплыла к берегу и положила мне голову на ладонь. Второй рукой я погладил ее по спине, после чего она уплыла. Может, таков был ритуал, кто знает, что у императорских рыб в голове.

Было тепло, и у пруда я просидел почти весь день. Следующие два дня я провел таким же образом. Еду мне приносили прямо в покои, присланная девушка вела себя так тихо, что я ее вообще не видел. По-моему, она радовалась, что ей не приходится развлекать меня, и делала все, чтобы я не вспомнил ни про нее, ни про то, зачем ее прислали.

Но ничто хорошее (как, впрочем, к счастью, и плохое) не длится долго. Настал конец и «смотрению» на рыбок. На утро четвертого дня меня пригласили на экзамен. Действо показалось мне даже не скучным, а каким-то тусклым.

Устроено было все просто. Каждый претендент выходил перед комиссией и отвечал на заданные ему вопросы. При

этом все претенденты были весьма немолоды, но, несмотря на свой почтенный возраст, выглядели взволнованно-перепуганными, как юные студенты. Похоже было, что им очень хотелось занять должность наставника наследного принца, и они старались изо всех сил.

Почтенные же старцы, входящие в комиссию, имели вид исключительно важный и значительный. Однако, несмотря на всю их важность, у меня было ощущение, что все их вопросы какие-то «плоские», что им не хватает глубины, места для раздумий и рассуждений, к которым отец приучал меня с детства.

– Философия потому и есть наука наук, что в ней нет полной определенности. В ней допускается множество толкований одного и того же понятия. И поэтому истинный философ привыкает иметь собственное мнение и позволять другим тоже иметь его. Он научается думать и обретает широкий взгляд на вещи.

Многие, в том числе и люди, зарабатывающие себе на жизнь философией, считают, что философия – это размышления и рассуждения. Я же думаю, что все наоборот, что философия, не воплощающаяся в действие, – это совершенно бесполезная вещь, которую и наукой назвать-то нельзя. На самом деле философию нужно не столько изучать, сколько практиковать, как это делают врачи, все методы лечения которых предназначены исключительно для приведения в гармонию Инь и Ян и Пяти элементов в теле пациента. А все

эти разговоры о том, чья философская школа древнее или лучше... Чья более практична, та и лучше! Вообще, если ты честный человек, то действуешь в соответствии с теми философскими правилами, о которых говоришь. И самое главное, что тебе требуется на этом пути – это собственное понимание того, чему учишь и тому, о чем говоришь.

Однако на этом экзамене от испытуемого требовались не его личное понимание, а некие прописные истины, которые можно было прочесть в книгах. И, надо сказать, кандидаты на должность потрясали своей эрудицией. Некоторые из них, отвечая на вопрос, цитировали по памяти целые страницы из многотомных трактатов. Само собой, я читал все эти книги. Некоторые фрагменты из них я даже знал наизусть. Отец говорил, что это полезно для укрепления памяти. Но он никогда не позволял мне давать ответ, цитируя кого-то. Он говорил так:

– Меня не интересует то, что написано в книгах. То, что ты цитируешь, – это не твое понимание, это понимание того, кто написал эту книгу. Мне это не интересно, книгу я могу почитать и сам. Мне важно твое личное мнение по этому поводу и, главное, как ты умеешь этим пользоваться.

Меня то ли случайно, то ли по какой-то иной неизвестной причине вызвали последним. И когда мне задали вопрос, я честно ответил, что не знаю, как мне на него отвечать.

– Вы не знаете ответа на простейший вопрос! – с явным

удовольствием констатировал председательствующий.

– Не совсем так. Я знаю много ответов на этот вопрос и не знаю, как вам отвечать на него. То ли то, что я думаю, то ли то, что написано в книгах, то ли то, что вам больше всего понравится.

Председательствующий побагровел:

– Как можете вы знать, что мне нравится?! – он уже почти кричал.

Мое «не-стремление» к этой должности давало мне заметное преимущество: я мог говорить, что хочу. Максимум, что могли мне сделать, – это обозвать невеждой и прогнать с позором. Хотя, какой позор в том, чтобы говорить, что думаю.

– Я в течение нескольких часов имел честь наблюдать, как уважаемая комиссия проводит экзамен. И точно могу сказать, к какой философской школе вы себя причисляете. Также могу сказать, что ваш способ приема экзамена напоминает мне неправильную игру в мяч.

– Вон! – заорал председательствующий. – Стража, вышвырните его прочь, да не из зала, а прямо за ворота дворца. Сначала его, а вслед за ним все его пожитки. И пусть будет счастлив, что я не приказал избить его бамбуковыми палками.

Я огляделся: прочие претенденты выглядели очень довольными. Еще бы, молодой выскочка, никто по имени «сын известного отца», получил по заслугам. Стража же не шелохнулась, похоже было, что распоряжался ею кто-то другой.

Впрочем, это неважно. Сейчас этот другой отдаст приказ, и меня все равно выбросят за ворота. Минутой раньше, минутой позже...

И тут я услышал тот же приятный голос, который слышал, когда рассматривал Танцующую красотку:

– Зачем так торопиться? Как только становится интересно, так тут же «вышвырните его прочь». А вот я бы с удовольствием послушал мнение господина Вейжа по поводу приема экзамена и игры в мяч.

После встречи с незнакомцем в саду я уже догадывался, кто он. И поведение всех окружающих подтвердило это. Впрочем, в этот раз я бы тоже понял все сразу. Тяжеленный головной убор, халат с девятью золотыми драконами, пять из которых должны быть видны спереди, а пять сзади. Еще на халате были вышиты облака, солнце, луна, звезды, горы, птицы, речной тростник и огонь. В общем «полный императорский набор», не оставляющий сомнений в положении того, кто предстал передо мной в окружении многочисленной стражи в шитых золотом одеяниях. Надо отдать ему должное, в этом одеянии и в окружении свиты император выглядел так же естественно, как в одиночестве и в простой одежде, в которой он прогуливался в саду.

Перед моим отъездом отец кое-что рассказал мне про императора:

– Это чрезвычайно хитрый человек. Он настолько хитер, что иногда его хитрость переходит в мудрость. Кроме того,

он прекрасно разбирается в людях и причинах, которые стоят за их словами и действиями. Так что лучшая политика в отношениях с ним – это честность. Были люди, которые пытались быть неискренними с ним. Ничем хорошим это для них не заканчивалось. Если вдруг (это не слишком вероятно, но всякое случается) он назначит тебя наставником своего сына, тебе придется достаточно часто иметь с ним дело, так что помни: людей, которые говорят ему правду, он обычно не наказывает. Иногда он даже начинает их уважать. Ну, настолько, насколько император может уважать подданного.

– Император не относится к подданному как к подданному лишь в двух случаях... – начал я.

– Да, – продолжил отец, – когда тот изображает его предка в процессии или является его наставником. Так что тебя он уважать никак не обязан. Хотя должность наставника наследного принца считается одной из самых почетных и... Одной из самых мерзопакостных. Почетная она понятно почему: наставник *самого* принца. А вот почему она мерзопакостная становится понятно далеко не сразу. Пока принц – это всего лишь принц, его отец требует от наставника строгости (иногда даже телесных наказаний) по отношению к ученику, а иначе как же тот сможет хорошо учиться. Но когда император умирает и бывший принц занимает его место, то он вполне может напомнить своему наставнику, что тот был слишком суров с ним. И его не будет интересовать, что наставник был строг лишь по указанию его папаши. И это одна

из причин, по которой я не желаю собственному сыну занять если не одну из самых важных, то одну из самых почетных должностей в империи.

Помня, что отец говорил мне про проницательность императора, я понимал, что говорить мне придется то, что думаю. Так я и сделал.

– Любое действие, в котором принимает участие благородный муж, должно быть выгодным не только для него, но для всех, кто в нем участвует. Это важнейший секрет честного успеха. Можно сказать и иначе: всякое действие должно вести к гармонии. Что такое гармония никто не знает, но в философии есть принципы, следование которым позволяет если не достичь гармонии, то хотя бы двигаться в направлении к ней.

– Забавно, – улыбнулся император, который явно получал удовольствие от происходящего, – но я человек практики и мне хотелось бы услышать, как все это работает. Ну, хотя бы на уровне экзамена.

– Экзамен не является исключением: пользу от него должны получать как тот, кто задает вопросы, так и тот, кто на них отвечает. То есть он должен быть подобен игре в мяч, когда каждый игрок не только бросает, но и ловит мяч. Если же экзаменатор только говорит, но не слышит... Если он лишь поучает, но не учится сам...

Подумав, император сказал:

– Пожалуй. Только мне это напоминает не столько игру

в мяч, сколько игру в Сянци, когда один игрок переставляет фигуры, не слишком интересуясь ходами своего противника. Но я бы хотел знать, что думает уважаемая комиссия по этому поводу? – перевел император взгляд на сидевших с кислыми лицами старцев.

Председательствующий, разгладив ухоженную седую бороду, с издевкой спросил меня:

– Ну, допустим, я поймал «мяч» вашего ответа, юноша. И какая же польза мне от ваших ответов? Ведь они вполне могут быть неправильными. Я бы даже сказал, что они почти наверняка не будут правильными.

– Ну, хотя бы тем, что они позволят вам взглянуть на проблему с другой, пусть неправильной, но зато неожиданной стороны. Хотя бы тем, что окажется, что ваша точка зрения не единственная и что она не всем кажется истинной. – Тут меня совсем понесло и я добавил: – И что ни возраст, ни многолетние занятия, ни высокая должность не дают гарантии правильности вашего понимания. Ведь таких пониманий может быть множество, причем ваше не обязательно будет единственно верным.

Старец побагровел. Он буквально булькал от негодования и это внутреннее бульканье мешало ему говорить.

– Не круто ли вы берете, господин Вейж? – спросил император с интересом и явно без всякой злобы. – Ведь все эти господа, – он показал на комиссию, – гораздо старше вас. И, несомненно, гораздо опытнее.

– Это философия, – ответил я, – и тут не имеет значения возраст. Если бы молодые всегда следовали указаниям старших, то человечество вообще бы не развивалось.

– А если бы они никогда не следовали им, то человечество давно бы истребило друг друга, – усмехнулся император и вышел из зала.

Решение должно было быть объявлено завтра, но уже сейчас было понятно, что мне можно собираться в дорогу. Вещей у меня почти не было, времени на сборы почти не требовалось, так что я отправился в отведенные мне покои, намереваясь наконец-то уделить внимание присланной мне девушке. Экзамен окончен, а девушка была очень красивая... Но когда я пришел, девушки уже не было. Видимо, тот, кто прислал ее, тоже понимал, что мне завтра в дорогу. В общем, провинциал приехал, провинциал уехал. Это нормально, провинциал этому даже рад.

Но все сложилось с точностью до наоборот. И почему все всегда складывается не так, как я предполагаю?! Впрочем, это хорошо, это полезный опыт. И теперь я, начиная любое дело, точно знаю, что все выйдет не так, как мне хочется. Так что я ни на что особенно не рассчитываю и потому не огорчаюсь. Кстати, часто при таком подходе результат достигается легче и бывает даже лучше предполагаемого.

Так сложилось и в этот раз. Я не стремился получить должность при дворе, но получил ее. Об этом я узнал назав-

тра, когда, проснувшись рано утром, обнаружил у себя под боком «подарочную» девушку. Видимо, тот, кто ее прислал вновь, уже знал, кто будет учить наследного принца. Хотя я не был в этом уверен, ибо помнил, что у императора есть обычай собственным кулаком определять «профессиональную пригодность» тех, с кем он намеревается иметь дело в дальнейшем.

Император славился тем, что умел блестяще подбирать людей на высшие должности. Некоторые даже считали, что империя процветала именно потому, что на каждом месте сидел подходящий человек.

Способ, которым император проверял высших чиновников, мог показаться несколько нестандартным, хотя сам император говорил, что в древние времена это было общепринятой практикой. Изучая историю, я никогда не встречал упоминаний об этом, но кто я такой, чтобы подвергать сомнению слова императора! Я всего лишь книжник, и источником моих знаний являются книги. А император – сын Неба и источник его знаний – небесный.

Император считал, что должен лично познакомиться с каждым кандидатом на высшую должность. Для этого кандидат должен был сойтись в рукопашной схватке с Сыном Неба, который считал, что в поединке человек раскрывается очень ярко и сразу, нужно лишь уметь «прочитать» его. Сам император считал себя большим докой как в рукопашном бое, так и в «чтении» противника. Еще бы, при такой-то

любви к этому делу! Да и его наставник, господин Ксан, считался одним из лучших мастеров империи. А какой же еще может быть наставник у императора?!

При этом в поединке с «претендентом на должность» император никоим образом не пытался одержать победу или унижить испытуемого. Он говорил, что нельзя унижать человека, который должен занять высокий пост. И тем более того, кому собираешься доверять. Поэтому поединок превращался, скорее, в игру ума и эмоций. В общем, как говорил император: «Рукопашный бой ничем не отличается от игры Сянци. Только вместо генерала – голова; вместо советника – поясница; вместо слонов – ноги, вместо пушек – руки; вместо колесниц – локти, вместо коней – колени. А восемь воинов – это опора на восемь сторон света, без которой телесная структура становится неустойчивой». Кстати, и в Сянци император играл блестяще. Только тогда он «переворачивал» собственное правило и говорил: «Стратегия Сянци ничем принципиальным не отличается от войны и рукопашного боя».

Ближе к обеду за мной пришли. На этот раз все было совершенно иначе. Небольшая комната, никакой комиссии, никакой свиты, только император и какой-то толстенький человек в шелковом, богато расшитом золотой нитью халате. Выглядел он намного более важным, чем император, одетый в грубого сукна широкие штаны и свободный балахон невра-

зумительного серого цвета. Увидев меня, император широко улыбнулся, показал на меня, а потом на себя. Когда до меня дошло, я тоже не смог сдержать улыбки: я был одет в одежду примерно такого же кроя и почти такого же цвета, что и он.

– Вижу, господин Вейж, вам долго объяснять не нужно. Это хорошо. Вы готовы?

Спасибо отцу, который рассказал об императорских способах проверки. Конечно, я был готов. Правда, отец рассказывал мне еще о мастере Ксане, который обучает императора воинским искусствам и которого император очень уважает. Но этот «шитый золотом» толстячок точно не учитель Ксан, которого я ожидал сейчас увидеть. Кто он, я мог лишь догадываться. Скорее всего, личный врач императора. Что ж, это почетно. Если император меня повредит, то меня будет лечить не кто попало, а его личный врач. Это мне польстило. Хотя... Вряд ли император собирался причинить мне вред. Какой ему смысл? Он человек суровый, при необходимости очень жестокий, но он точно не садист. А зачем тогда врач? Ведь никому не может в голову прийти, что кто-то может попытаться причинить вред императору. Да и не управится с ним никто, даже если очень захочет. Ну, разве что наставник Ксан, да его учитель, знаменитый мастер Бао (если он, конечно, еще жив). Кому тогда здесь может потребоваться лекарь? Впрочем, вполне понятно: чтобы претендент не забывал, что все будет всерьез и никто ни от чего не застрахован.

Искусство императора было потрясающим. Он не пытал-

ся сильно меня ударить, он явно хотел «раздергать» меня и вывести из душевного равновесия. Это был прекрасное испытание: если даже я и не сдам экзамен, то многому точно научусь. Ведь кто, как не я, вчера вещал ученым старцам, что любое действие благородного мужа должно приносить пользу всем окружающим. А кто есть самый благородный из всех благородных мужей, как не император?!

В общем, игра мне нравилась. А нравилась она мне тем, что это была игра не силы, а ума. Вполне философский подход к рукопашному бою. Похоже было, что императору тоже было интересно, время от времени он останавливался, давал мне перевести дух и даже соизволял объяснять свои действия и свою технику. А я старательнейшим образом выслушивал каждое его слово и ловил ритм его «хитрозадуманных» и хитросплетенных движений.

– Выходит, что философия, позволяющая оттачивать свой ум, не такая уж непрактичная штука, – подумал я, когда почувствовал, что быстро приспосабливаюсь и действия императора постепенно становятся для меня не такими неожиданными и непредсказуемыми, как в самом начале.

– Если он так же хорошо будет учить, как сейчас учится сам, то, пожалуй, лучшего наставника для наследного принца вам не найти, ваше величество, – раздался спокойный голос у меня за спиной. – Кстати, думаю, мы еще будем иметь возможность выяснить, так ли быстро он умеет понимать, как мне сейчас показалось.

Меня учили, что настоящий философ видит не только то, что видится, но и то, что за этим стоит. Иначе говоря, есть следствие, ищи причину. Есть явный Ян, не забудь о том, что где-то спрятан Инь. Если перед тобой стоит человек, освещенный солнцем, то сзади тебя может быть такой же человек, спрятанный в тени. Но поединок с императором был такой «плотный», что я просто не успевал смотреть по сторонам. Вот и проглядел, как кто-то вошел в комнату и оказался у меня за спиной.

Император остановился:

– Мне тоже так кажется, мастер Ксан. Господин Вейж действительно весьма неплох. Он умеет так быстро изменяться, что мне кажется, что его учили почти так же хорошо, как меня. Ведь вы сами, уважаемый наставник, говорили, что изменения – это суть нашего мира и боец хорош ровно настолько, насколько умеет изменяться сам и приспосабливаться к изменениям мира, в том числе к изменениям своего противника. А господин Вейж явно умеет изменяться с изменениями. Думаю, он останется с нами надолго.

Помнится, я тогда пришел в восторг. Какой красивый урок и какая красивая формулировка: «изменяться с изменениями». Или правильнее будет сказать: изменяться самому, следуя изменениям внешних обстоятельств?

Как и говорил мне отец, наставник Ксан оказался человеком слова. Вскоре он действительно проверил, насколько

ко быстро я соображаю. Причем сделал это в философском контексте, в котором я, по его мнению, должен был прекрасно разбираться.

Однажды он зашел ко мне и чрезвычайно вежливо (до того момента, как он начал обучать меня Тай-Цзи-Цюань, он был исключительно аккуратен со мной и обращался исключительно на «вы») спросил, не могу ли я уделить ему несколько минут для беседы.

– Я думаю, что через несколько дней вы приступите к совместным с императором занятиям. Так что я хотел бы ...

– Определить мой уровень, чтобы понять с кем имеете дело? – не слишком вежливо прервал его я.

– Почти, – улыбнулся Ксан. – А точнее, чтобы понять, стоит ли вообще иметь с вами дело. Лучше нам выяснить это сейчас, чем это чуть позже сделает император. Он соображает исключительно быстро и любит общаться с людьми, которые думают не медленнее, чем он. Если он ждет ответа слишком долго, ему становится скучно. А если ответы глупые, то он начинает злиться.

И тут до меня дошло: вот он, настоящий экзамен, а не тот спектакль, который я сдавал целой комиссии, состоящей из почтенных и важных старцев.

– Итак, есть старое «тайцзицюаньское» правило, – начал Ксан. – «Если что-то двинулось, то нет ничего, что бы не двигалось». Как вы думаете, господин Вейж, чего в нем не хватает с точки зрения столь любимой вами философии?

Думал я недолго. Основа всей философии одна, все остальное исходит из этого. И если нет этого, то ничего и дальше не будет.

– Разделения на Инь и Ян, – уверенно ответил я.

– Быстро, – не без удивления сказал Ксан, – и точно. А в этом правиле один сплошной Ян: и все двинулось, и каждая часть двинулась. Но традиционные правила всегда правильны. Правда, в них чаще всего что-то скрыто, что-то недоговорено. Поэтому я «договорил» вторую часть этого наставления: Если что-то двинулось вперед, то нет чего-то, что бы ни двинулось назад; если что-то двинулось вверх, то нет чего-то, что бы ни двинулось вниз».

Думаю, вы сможете легко показать, как это работает, господин Вейж?

Это тоже было просто. Я бы сказал, слишком просто. Но просят показать, нужно показать. И я пошел вперед, старательно размахивая руками: одна вперед, вторая назад.

– Так, – удовлетворенно сказал Ксан, – именно так и происходит при ходьбе. Но с руками это просто и явно видно. А как происходит с ногами? Ведь когда человек ставит одну ногу, он же не машет второй назад, она остается на месте.

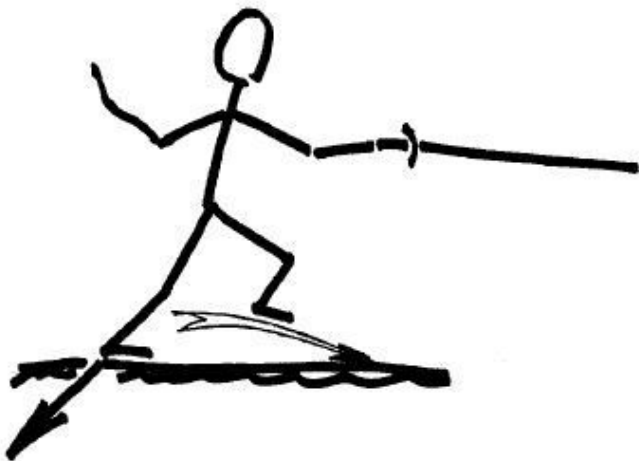
– А вот и настоящий вопрос! – подумал я, – и ответа на него у меня точно нет. Руки свободно движутся одна вперед, вторая назад потому, что они висят в воздухе. А ноги не могут двигаться одновременно, потому что когда человек идет, он должен одной ногой опираться о землю. Если же две ноги

оказываются в воздухе, то это уже не ходьба, а прыжок. Или падение. Так что, как ни крути, одна нога должна быть на месте. Если же она «поедет назад», как это бывает на льду, то человек шлепнется или его «растянет на шпагат». И получается, что часть правила Ксана, которая гласила «Если что-то двинулось вперед, то нет чего-то, что бы ни двинулось назад», не работает. Или работает частично, например, только для рук.

Видимо, заметив мое замешательство, Ксан добавил:

– Ладно, подскажу. Какое-то движение может быть и невидимым.

И тут до меня дошло так явственно, что вместо ответа я нарисовал картинку и протянул ее Ксану.

– Хорошо, хорошо, – довольно пробормотал он. – Быстро и правильно. Если что-то одно (например, рука с мечом) идет вперед, то что-то другое (например, другая рука) должно пойти назад. Это видимая и понятная всем часть.

А вторая часть такова: если одна нога должна пойти вверх и вперед, то вторая нога должна направить свою силу вниз и назад в землю. Силу никто не видит, и потому эта часть считается «невидимой» и не всем понятна.

Ну, если все так хорошо идет, то еще один вопрос. И что же таится в этом «движении без движения» второй ноги, которая «движется», не сходя с места. Чтобы было проще, спрошу иначе, что будет, если землю под ногой чем-то заме-

нить.

К своему явному удивлению я знал ответ и на этот вопрос.

– Эта нога испускает силу в землю. А может сделать это в виде толчка или удара, например, в стопу, голень или колено.

– Ну да, – тут же подхватил Ксан, – ведь сила она сила и есть. Сила она тупая, куда ум ее направит, туда она и пойдет. Выпусти ее быстро, получится удар, выпусти ее медленно – толчок

Кстати, получается, что понимающий человек, отрабатывая шаги, одновременно отрабатывает и ...

– Удары, – продолжил я.

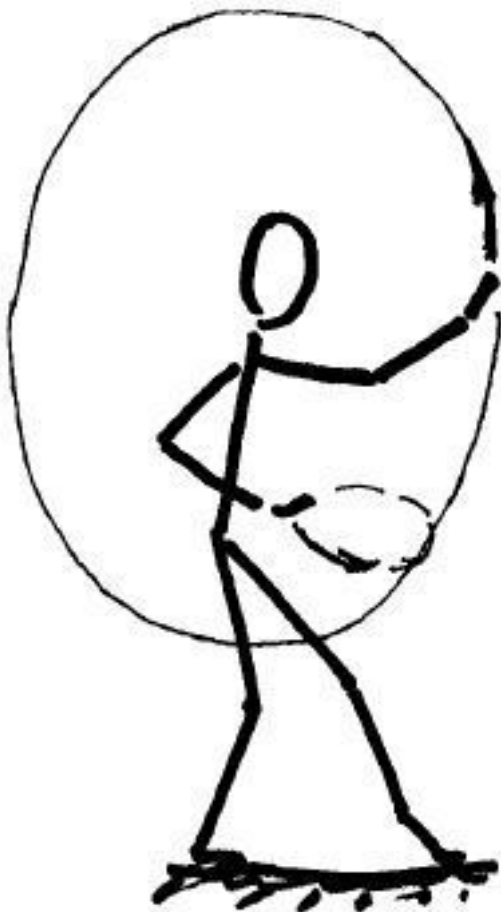
– Вот и еще одно правило, – тут же добавил Ксан. – «Отрабатывая шаги, отрабатываешь и удары ногами. Отрабатывая удары ногами, отрабатываешь и шаги».

Глядя на то, как Ксан одобрительно улыбается, я уж было подумал, что больше вопросов не будет, во всяком случае на сегодня. Однако я ошибся.

– Еще один вопрос, и я от вас отстану, господин Вейж, – после паузы сказал Ксан. – Смотрите, вот первое подготовительное упражнение из «Красного цветка» ⁴

С этими словами он принялся вращать руками: левой будто что-то поднимал и забрасывая за себя, а правой будто отталкивал что-то от себя вперед и чуть вниз.

⁴ См. том 2, главу «Полный традиционный комплекс Ци-Гун „Красный цветок“», подготовительное упражнение «Поднимать-подвешивать и толкать».

– Где в этом движении требуется наибольшее усилие? –

спросил Ксан, не переставая вращать руками, как самая настоящая мельница. — И что мне нужно сделать, чтобы пройти это место с наименьшими затратами?

Глядя на него, я бы сказал, что он вообще не прилагает никаких усилия, он был такой расслабленный, что казалось, будто руки вращаются сами собой. И какие там затраты сил, все выглядело так, будто он может так делать целый день без перерыва и к вечеру даже не вспотеет.

Однако... Даже неграмотный крестьянин знает, что труднее всего поднять ведро на вытянутой руке. Так что если бы у него в левой руке было ведро, то тащить его вверх было бы тяжелее всего, когда рука находится впереди. А что нужно сделать... Наверное, не тащить левую руку вверх, а двинуть правую вперед и чуть вниз.

Взглянув на мои очередные каракули, Ксан удивился:

– Так вы, пожалуй, сможешь еще раз «договорить» это правило, господин Вейж.

– Скорее, не «до-говорить», а «пере-говорить», – засмеялся я. Смеялся я не потому, что «до-говорить – пере-говорить» смешно звучало, а от радости, что снова знаю ответ. – И мне кажется, что теперь мы получим полное наставление,

которое звучать будет примерно так:

Часть первая(основная, всем известная и недосказанная): *Если что-то двинулось, то нет ничего, что бы не двинулось.*

Часть вторая: *Если что-то двинулось вперед, то нет чего-то, что бы не двинулось назад; если что-то двинулось влево, то нет чего-то, что бы не двинулось вправо; если что-то двинулось вверх, то нет чего-то, что бы не двинулось вниз»*

Часть третья.*Если хочешь что-то двинуть вперед, ты должен что-то двинуть назад; если хочешь что-то двинуть влево, ты должен что-то двинуть вправо; если хочешь что-то поднять, ты должен что-то опустить».*

– Я уже не раз думал, – начал не без насмешки Ксан, – хорошо ли когда у человека много ума? Вот уважаемый господин Вейж только что сам придумал правило, весьма напоминающее старинное наставление из традиционного Тай-Цзи-Цюань: «Хочешь пойти направо, посмотри налево».

Кстати, эту вашу «пере-говорку» можно сформулировать значительно короче и одновременно шире: «выворачивай все наизнанку и делай все наоборот». Будь вы поглупее, я бы уже давно перестал задавать вам вопросы. А так мне становится интересно говорить с вами и я, старый болтун, все

никак не могу остановиться. Так что позвольте еще один вопрос, на этот раз *действительно* последний.

Мой уважаемый учитель Бао как-то рассказал мне, – начал он, – такую вот забавную историю:

«Однажды ко мне приехал знатный и богатый господин. Он рассказал мне, что в молодости прекрасно играл в мяч. Что это за игра я не понял, понял только, что суть ее в том, чтобы перебрасывать друг другу мяч. И вот, спустя много лет, он попал в общество, где играли в эту игру, и решил потряхнуть стариной. Выяснилось, что тело и руки все помнят, и ему захотелось вновь начать играть, как в молодости. Но появилась проблема, которой в молодости не было: ему стало трудно наклоняться и поднимать мяч, когда он ронял или пропускал его. Он стал спрашивать у меня, не из-за живота ли это (а надо сказать, был он хорошо упитан), не надо ли ему похудеть, а если надо, то как это быстро и легко сделать. Я понимал, что человек он очень умный и без меня знает, что ему мешает наклоняться. Размер его живота ему известен, и если бы он хотел похудеть, то он бы так и сделал. Поэтому я не стал ему ничего объяснять, я лишь дал ему совет».

– Так вот, – хитро улыбнулся Ксан, – как ты думаешь, какой неправильный совет мог дать ему неправильный учитель Бао? Причем такой совет, чтобы при всей своей неправильности привел бы к правильному результату?

Уже поняв, что Ксан меня не торопит, а дает возможность подумать, я начал рассуждать вслух:

– Как я понимаю, нормальный подход, – это когда человеку, желающему похудеть, рекомендуют похудеть. А не-нормальный – это когда ему рекомендуют не делать этого. Не знаю, что сказал Бао, но я бы посоветовал этому человеку наплевать на свой живот и побольше играть в мяч, чтобы как можно быстрее восстановить навыки игры. Тогда мяч бы у него падал реже и наклоняться ему бы тоже пришлось реже. А пока он восстанавливал бы свои навыки, он как раз бы и похудел.

В общем, хочешь похудеть, забудь о похудании, просто делай все правильно, а «похудеется» само собой.

– Думаю, будь ты помоложе, Бао взялся бы учить тебя, ведь он любит умных учеников, ведь ты сейчас практически слово в слово сказал то же, что и Бао тогда. Впрочем, будь ты помоложе, ты бы до этого никак не додумался и не показался бы ему таким умным.

А в общем, очень неплохо, думаю, император с тобой не соскучится. А у тех, с кем ему не скучно, у тех, кого он считает не глупее себя, обычно бывает блестящая карьера при дворе. Если она, конечно, тебя интересует.

... для человека совершенно просветленного, свободного от всех желаний, привязанностей и предрассудков, верований и ментальных комплексов, реинкарнация прекращается. Но для тех, кто еще является частью этого феноменального мира, для людей, живущих в

стрессе и напряжении, подверженных всевозможным комплексам, находящихся в запутанных, сложных связях с другими людьми и имеющих много нераспутанных жизненных узлов, реинкарнация точно существует. Реинкарнация – это смена формы. Как можно это отрицать? Весь мир постоянно меняется. Ваше тело изменяется каждое мгновение, можно сказать, что вы непрерывно и постоянно реинкарнируете. Вы не можете остановить это изменение. Изменяемость – это сама суть этого феноменального мира. Но есть нечто, что никогда не рождается и не умирает. Это безграничное, вечное Сознание. С точки зрения беспредельного, вечного, божественного Сознания, реинкарнация, рождение или смерть – это всего лишь фикция.

Вопрошающий: *Тибетские Ринпоче дают обет приходить на землю вновь и вновь, пока все существа не будут освобождены.*

Свамиджи: *Эти Ринпоче имеют такую санкальпу, или желание, возвращаться в мир, чтобы помочь страдающему человечеству. Это желание и заставляет душу возвращаться. Оно является их последним желанием. Вы можете, если вам хочется, называть это благородным желанием. Это последнее препятствие перед достижением полной свободы и просветления. Цепь всегда остается цепью, будь она из*

железа или из золота.

Чандра Свами Удасин

Философия и принципы толкающих рук

Преображение – это не чудо и не мгновенная вспышка. Это очень длительный процесс. Природе потребовались миллиарды лет, чтобы преобразить камень в человека. Теперь, будучи человеком, вы достигли той стадии, когда можете сотрудничать с этой эволюционирующей, божественной силой, ускоряя темп вашей собственной эволюции. Это и есть садхана. Вы также можете противиться или противостоять этой эволюционирующей, божественной силе. Не ожидайте, что преобразование наступит через день или два. Просто работайте искренне, и забудьте обо всем, что касается результата. Люди работают на протяжении множества жизней, чтобы реализовать Бога. Не будьте такими нетерпеливыми. Нетерпение создает напряжение и задерживает ваше преобразование.

Чандра Свами Удасин

Благодаря императорскому способу «проверки персонала» мне перепал совершенно неожиданный бонус. Посмотрев на мой, с позволения сказать, «поединок» с Сыном Неба и побеседовав (хорошенькая была беседа, с меня за это время семь потов сошло) со мной, Ксан решил, что я, как никто другой, подхожу на роль человека, с которым императо-

ру будет полезно тренировать толкающие руки.

— А почему я, а не кто-то из мастеров воинского искусства, которых полно во дворце? — удивился я. — Взять хотя бы наставников наследного принца, каждый из которых наверняка лучший в империи «знаток своего предмета». Кто меча, кто ножа, кто веера, кто цепи. Ведь я всего лишь философ, никак к этому делу не приспособленный.

— Ну, я бы сказал, не «лучший знаток», а лучший их тех, кого удалось заполучить, — усмехнулся Ксан. — Есть мастера и получше, только они живут скромно и не выставляют свое искусство напоказ. Есть и такие, которым не нужны суета и хлопоты дворца, есть такие, кто всегда в пути, и найти их не удалось. Хотя и искали.

А что касается «кто к какому делу приспособлен», то мне виднее. Пока скажу лишь одно. За то короткое время, когда ты пытался не потерять лицо в схватке с самим Сыном Неба, я успел заметить, что твой тренированный ум и память дают тебе возможность очень быстро преобразаться. А главное, ты не застывший, ты готов к любым трансформациям, даже в ситуациях, когда времени у тебя почти нет. А это важно для такого человека, как император. Он не любит тупых людей, а здешние воинские наставники... Ну, как тебе сказать... Они умные, понимающие, опытные и умелые люди. Но они застыли в своем опыте и своем мастерстве, они не хотят меняться, иногда мне даже кажется, что изменения их пугают. А император человек весьма динамичный, и ему с

ними скучно. А с тобой ему, думаю, будет интересно, с тобой можно даже поговорить. В общем, посмотрим, как пойдет.

И еще. На моей памяти ты первый, кто работал с ним всерьез. Я бы сказал: с полным уважением, но по-настоящему. Странное дело, но люди думают, что если императору поддаться во время схватки, он будет этому рад. Наоборот, это его злит, он считает, что его противник рассматривает его как слабого бойца, которому нужно, чтобы ему поддавались. А это, кстати, не так, далеко не так. Впрочем, ты сам это видел.

Однажды, чтобы быть уверенным, что противники ему не поддаются и почувствовать свою истинную силу, он решил устроить себе развлечение, для чего приказал собрать лучших бойцов из всех провинций. Еще он повелел, чтобы бойцов наместники отбирали лично. И плохо пришлось тем из них, кто выставил недостаточно подготовленных людей. Одного большого чиновника сняли с должности, а другому еще и отвесили несколько плетей за то, что он, начальствующий человек, не смог (по личной просьбе императора!) найти в своей огромной провинции ни одного настоящего мастера рукопашного боя. Он или совсем глуп, или не проявил достаточного старания. А это будет похуже глупости!

Состязания, которые устроил император, отличались двумя вещами: огромными призами за победу и тем, что все участники должны были выступать в масках и мешковатых

одеждах, скрывающих фигуру.

Этот хитрец надул даже меня. Конечно, я чувствовал, что его распирают эмоции. Кроме того, он, хоть и император, но он мой ученик, я его прекрасно знаю и я понимал, что он что-то от меня скрывает. И еще он непривычно много общался с главным церемониймейстером, на которого обычно обращал внимания не больше, чем на свою дрессированную обезьяну.

Хотя на обезьяну, пожалуй, все-таки больше. Ведь это была не какая попало обезьяна, ее отбирал и обучал потомственный дрессировщик, пять поколений предков которого зарабатывали себе на жизнь тем, что выступали перед народом, показывая ученых обезьян. Мало того, его семья происходила из деревни, где все без исключения занимались ловлей и дрессировкой обезьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.